

33.02 А6
Н62

Гарри Ник

РЫНОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО

МИФ
И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Harry Nick

MARKTWIRTSCHAFT
LEGENDE UND WIRKLICHKEIT

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Гарри Ник

РЫНОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО
МИФ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКОНОМИКА»
Москва — 1976

Научный редактор — КАМАНКИН В. П.

Перевод с немецкого КУКОЛЕВА Ю. И.

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
ПО ЭКОНОМИКЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

От автора

С исторической точки зрения капиталистический общественный строй изжил себя. Этот факт проявляется в реальной жизни самым различным образом, и в частности в ускорении темпов появления и исчезновения «новейших» теорий и понятий, которые морально устаревают столь же быстро, как и появляются, и цель которых — оправдать существование этого строя с помощью «новых» аргументов, создать видимость наличия у него исторической перспективы. Эта «последовательная» смена одних теорий другими со всей очевидностью свидетельствует о победоносном историческом шествии социализма и переходе капиталистической системы «к обороне». Здесь достаточно сопоставить прежние утверждения о якобы полной нежизнеспособности социализма, с одной стороны, и представления сторонников теории конвергенции о социализме, как об одном хотя и с оговорками, но все же допустимом варианте «индустриального общества» — с другой. В то же время все эти теории последовательно и целенаправленно используются для того, чтобы идеологическую борьбу против социализма вести все активнее, энергичнее, дифференцированнее и с использованием более гибких средств. Отказ от применения стратегии «отбрасывания» и принятие на вооружение стратегии «наведения мостов», «размывания изнутри», «либерализации» и, наконец, «социальной демократизации» стран социалистического содружества — все это убедительно говорит о том, что исторически империализм вынужден отступать на оборонительные рубежи. Но в равной мере

сказанное свидетельствует и о том, что его агрессивность ни в коей мере не уменьшается.

Современная империалистическая концепция исходит из того, что борьба против социализма должна вестись не только извне, но и изнутри. Очевидно, это предполагает повышение активности в идеологической области. Ясно и то, что в весьма обширном и исключительно пестром арсенале буржуазной идеологии модному сегодня лозунгу о «свободном» или «социальном рыночном хозяйстве» выделено далеко не последнее место. Эти понятия и связанные с ними тезисы и аргументы отнюдь не новы, а, точнее говоря, столь же стары, как и сам капитализм. Впрочем, сказанное по своему существу относится и к основополагающим постулатам буржуазной идеологии вообще. Примечательным в данном случае является, однако, то особое место, которое отводится в наши дни на Западе этому понятию. Тезис о «свободном», «социальном рыночном хозяйстве», как мы увидим ниже, играл довольно существенную роль в послевоенной истории западногерманского империализма. Сегодня это понятие стало почти синонимом капиталистической общественной системы.

Ведущие представители политических партий ФРГ, «отвечающих интересам государства», рассыпаются в верноподданических уверениях в приверженности к рыночной экономике. И всегда при этом имеется в виду капиталистическая общественная система в целом, а не та или иная проблема экономической политики.

Совершенно ясно, что речь идет здесь о серьезных попытках представителей капитализма пайти, так сказать, окончательно новое наименование их общественной системы. По вполне понятным причинам капиталистам менее всего по душе понятие «капитализм». С тех пор как существует социализм, представители капиталистического общественного строя больше всего стали бояться называть вещи своими именами. Естественно, что по мере устаревания капитализма эта боязнь увеличивается. Ни в коем случае нельзя утверждать, что наименование в данном случае пустой звук. Вряд ли можно, например, отрицать то, что буржуазия и ее идеологи имели удовольствие отпраздновать одну из своих стаповящихся все более редкими побед, когда им удалось внедрить в общественное сознание и ввести

в широкое употребление такие понятия, как «работодатель» и «работополучатель». Эти понятия позволили им поставить все с ног на голову. Эксплуатируемого капиталистом рабочего, который, дескать, и именуется рабочим только потому, что работает, теперь называют работополучателем. О нем говорят: «Он берет работу». Капиталист же, который является таковым, поскольку безвозмездно присваивает результат чужого труда — прибавочную стоимость, превращается просто в работодателя. Попытка заменить совершенно четкое, паучно обоснованное понятие «капитализм» понятием «рыночное хозяйство» приводит к тем же заблуждениям.

С теоретической точки зрения эту «теорию рыночного хозяйства» нельзя принимать всерьез. Определенного внимания здесь заслуживают лишь политические и идеологические намерения, связанные с этой псевдо-теорией. Поэтому цель настоящей работы — дать тщательный и подробный анализ лежащей в ее основе аргументации. В главе 1 в соответствии с принципом единства исторического и логического анализа исследуются объективные основы и содержание рыночного регулирования в процессе эволюции капитализма.

В главе 2 предпринимается попытка дать ответ на вопрос, почему «теории рыночного хозяйства» уделено значительное место в буржуазной и социал-демократической политике и идеологии ФРГ.

Глава 3 посвящена рассмотрению вопросов «рыночного социализма». Здесь речь идет не столько об опровержении теоретических посылок — ревизионисты переняли буржуазную «теорию рыночного хозяйства», так сказать, в полном комплекте и с теоретической точки зрения не внесли в нее ничего нового, — сколько о доказательстве полной несовместимости социализма и рыночного регулирования. И в последней главе в обобщенном виде дается критика теоретических основ воззрений сторонников «рыночного социализма».

Гарри Ник

Глава 1

Механизм рыночной конкуренции вчера и сегодня

Рыночное регулирование как принцип, присущий домонополистическому капитализму

К. Маркс не только проанализировал внутренние противоречия капиталистического общественного строя, но и дал ответ на вопрос, как и почему может существовать эта экономическая система. Одновременно он показал необоснованность суждений об автоматическом крахе капитализма. Действительно, как может существовать глубоко расчлененное на основе общественно-го разделения труда хозяйство, отдельные ячейки которого производят продукцию для удовлетворения не индивидуальных, а общественных потребностей в условиях, когда нет единого для всего хозяйства управляющего органа, который координировал бы деятельность хозяйственных единиц? Почему не распадается такое хозяйство, ячейки которого в силу наличия частной собственности на средства производства не только отделены друг от друга, но и имеют совершенно различные, противостоящие друг другу интересы? Например, один капиталист захватывает тем большую прибыль, чем меньше ее получает другой. Как могло подобное хозяйство обеспечивать столь быстрое развитие производительных сил, какого не знали предшествующие формации? Каковы движущие силы этого общественного строя и через какой механизм проявляет-

ся их действие? Каков механизм функционирования подобного хозяйства?

Ответы на все эти вопросы дал К. Маркс, проанализировав формы движения, эволюцию капиталистической собственности. Цель капиталистического производства заключается в максимально прибыльном приложении авансированного капитала, в получении максимальной прибыли, причем с увеличением масштабов производства не только возрастает масса прибыли, но и улучшаются условия прибыльного приложения капитала. Прибыль, отвлекаясь от всех прочих условий, тем больше, чем ниже издержки производства (затраты, связанные с потреблением средств производства и оплатой живого труда) и чем больше масса реализованных товаров. При данной цене капиталист в результате более высокой механизации, лучшей организации производства, усиления эксплуатации наемного труда производит товары при более низком, чем средний, уровне издержек производства и получает более высокую, чем в среднем, прибыль или сверхприбыль. В результате он может направлять на цели накопления больший объем средств. Если он не сделает этого, то верх над ним одержат вскоре другие капиталисты. И наоборот, капиталист, на предприятиях которого издержки производства будут выше среднего уровня, получит более низкую, чем в среднем, прибыль. И если ему не удастся устранить этот недостаток в конкурентной борьбе, то участь его будет решена. Так через механизм рыночной конкуренции осуществляется постоянный «отбор». Только наиболее могущественные, обладающие большим капиталом предприниматели могут выстоять в этой борьбе. Таким образом, внутренне присущая природе капитала тяга к максимальному самовозрастанию реализуется через внешнее принуждение к накоплению капитала с помощью механизма конкуренции. Товары реализуются на рынке по ценам, складывающимся в зависимости от соотношения спроса и предложения. Если спрос увеличивается более высокими темпами, чем предложение, цены на изделия растут. Это, во-первых, означает, что капиталисты получают более высокую прибыль, которая дает им возможность расширять накопление, а тем самым и производство. Во-вторых, в данную отрасль устремится

капитал из других сфер хозяйства, поскольку условия его прибыльного приложения здесь благоприятнее. Все это повлечет за собой рост предложения, вскоре обгоняющего платежеспособный спрос. Вслед за этим будут развиваться аналогичные процессы в противоположном направлении: падение цен, отток капитала в другие отрасли, уменьшение предложения. Таким путем формируется тенденция к выравниванию спроса и предложения, к пропорциональности, реализуемой через постоянное колебание цен вокруг стоимости, через отклонение спроса от предложения и постоянное нарушение пропорциональности. Через рынок устанавливаются общественные связи между частными собственниками. Именно здесь выявляется, в какой мере затраченный труд является общественно необходимым. Отсюда тому или иному капиталисту поступает соответствующая информация в зависимости от его положения в хозяйственном организме. Такой тип регулирования народнохозяйственного процесса, осуществляемого через рынок путем конкурентной борьбы капиталистов в интересах сбыта их продукции и за получение выгодных сфер вложения капиталов, когда важнейшим индикатором является цена, складывающаяся в соответствии со спросом и предложением, буржуазная политическая экономия называет системой рыночной экономики, (рыночным хозяйством).

Классическая буржуазная политическая экономия в лице Фрапсуа Кенэ, Адама Смита, Давида Рикардо выдвинула принцип экономического либерализма «laissez faire, laissez passer»¹ в качестве своей программы и считала механизм рыночной конкуренции естественным принципом регулирования хозяйства. Такая позиция соответствовала классовым интересам молодой, растущей буржуазии, стремившейся ликвидировать феодальные пережитки, мешавшие развитию капитализма. Это касалось в первую очередь тех препятствий, которые создавала средневековая цеховая организация производства, регламентирующая вмешательство государства, в большинстве случаев абсолютной монархической власти, в хозяйственный процесс, а также в

¹ В переводе с французского: «предоставить событиям их естественному ходу», «будь что будет». — *Прим. ред.*

отношении феодальной зависимости крестьян. Буржуазия энергично боролась против всего того, что ограничивало свободную конкуренцию, перемещение капитала и передвижение рабочей силы. Нарождающийся и крепнущий класс буржуазии был самоуверен и оптимистичен.

Всю предшествующую историю буржуазия рассматривала как первобытное состояние общества (А. Смит), а буржуазное общество — как соответствующий человеку, определяемый его природой, а посему вечный образ жизни. Классовые противоречия между буржуазией и пролетариатом, наличие которых буржуазная политическая экономия «чистосердечно» признает, тогда еще отодвигались на второй план противоречиями между буржуазией и феодалами. В классовой борьбе против феодализма буржуазия представляла себя борцом за дело всего народа, защитником интересов человечества.

Классическая буржуазная политическая экономия основными чертами человека, естественной движущей силой хозяйственной деятельности считала себялюбие, эгоизм. В связи с этим и конкуренция рассматривалась как естественный и рациональный механизм регулирования. Следуя своим индивидуальным интересам, противопоставляя их друг другу в конкурентной борьбе, люди тем самым якобы служат общим интересам, способствуют экономическому и общественному прогрессу в целом. Этим путем, как утверждали классики буржуазной политической экономии, в конечном счете осуществляется регулирование в интересах как отдельно взятого человека, так и всех людей в обществе. Государственное вмешательство, которое создает известные препятствия индивиду по пути следования его личным интересам, является с точки зрения классической буржуазной политической экономии не только бесполезным, но и ущербным для общества, поскольку оно нарушает свободную игру сил и тем самым естественное равновесие. Из этого принципа делались лишь немногие исключения: введение обязательного школьного обучения, организация государственной почтовой службы, эмиссия крупных банкнот. Подобная оптимистическая оценка влияния свободной конкуренции проявляется в предположении, что она в состоянии якобы обес-

печить постоянное экономическое равновесие. В работах А. Смита и Д. Рикардо ничего не говорится о кризисах и диспропорциях в экономике, поскольку первый экономический кризис разразился в 1825 г., т. е. 25 лет спустя после смерти А. Смита, и два года спустя после смерти Д. Рикардо.

Вот что писал, например, А. Смит о воздействии механизма рыночной конкуренции: «Таким образом, естественная цена (под этим А. Смит понимает стоимость товаров.— *Прим. авт.*) как бы представляет собою центральную цену, к которой постоянно тяготеют цены всех товаров. Различные случайные обстоятельства могут иногда держать их на значительно более высоком уровне и иногда несколько понижать по сравнению с нею. Но каковы бы ни были препятствия, которые отклоняют цены от этого устойчивого центра, они постоянно тяготеют к нему.

Все количество труда, затрачиваемого ежегодно на доставление какого-либо товара на рынок, естественно соотнобразуется, таким образом, с действительным спросом,— оно естественно стремится всегда доставить на рынок ровно такое количество товаров, какое достаточно,— и не более того, что достаточно,— для удовлетворения этого спроса»¹.

А. Смит заметил и опасность, которая грозит свободной конкуренции со стороны капиталистов. Но он считал это, по-видимому, для того времени с полным правом обстоятельством не очень существенным и поэтому не сделал из этого никаких теоретических выводов. Он также ничего не мог сказать о том, как избежать подобной опасности. «Представители одного и того же вида торговли или ремесла редко собираются вместе даже для развлечений и веселья без того, чтобы их разговор не закончился заговором против публики или каким-либо соглашением о повышении цен. Действительно, невозможно воспрепятствовать таким собраниям изданием закона, который можно было бы проводить в жизнь или который был бы совместим со свободой и справедливостью. Но хотя этот закон не может препятствовать представителям какой-либо отрасли

¹ С м и т А. Исследование о природе и причине богатства народов, т. 1. М., ГСЭИ, 1935, с. 56.

торговли или ремесла собираться по временам вместе, он во всяком случае не должен ничего делать для облегчения таких собраний и еще меньше для того, чтобы делать их необходимыми»¹.

Такое представление о равновесии капиталистической экономики как естественном состоянии, обусловленном конкуренцией, подкреплялось тезисом, в соответствии с которым предложение и спрос в принципе не могут значительно отклоняться друг от друга. Этот тезис, не выдерживающий никакой критики с теоретической точки зрения, был впервые сформулирован вульгарным экономистом Дж. Сэем и заимствован затем Д. Рикардо. С его точки зрения, каждый товаропроизводитель, создающий предложение, является неизбежно и потребителем, формирующим спрос. При этом предложение и спрос равны. Разумеется, эта теория ошибочна. Дело в том, что тот или иной продукт не покупают в обмен на другой. На данное обстоятельство еще в 30-х годах прошлого века обращал внимание мелкобуржуазный политэконом Сисмонди. Продукты покупают на деньги, являющиеся одновременно доходом рабочего класса, крестьян и ремесленников, доходом, рост которого в условиях капитализма неизбежно отстает от роста производства².

Основные положения сегодняшней «теории рыночного хозяйства», по сути дела, базируются на теоретических посылах буржуазного экономического либерализма XVIII—XIX вв. Более 100 лет назад они были подвергнуты самой обстоятельной критике К. Марксом и Ф. Энгельсом, подорвавшими чудодейственную веру представителей буржуазного экономического либерализма в вечность капиталистического способа производства, в его способность обеспечивать постоянно возобновляющееся экономическое равновесие в условиях непрерывного роста экономики. К. Маркс и Ф. Энгельс, отдав должное положительным научным элементам теорий А. Смита, Д. Рикардо и В. Петти, показали историче-

¹ См. и т. А. Исследование о природе и причине богатства народов, т. 1, с. 116.

² Эта «теория Сэя», ее теоретическая роль рассматривается подробно в работе «Gleichgewichtstheorie und Verfall der bürgerlichen Ökonomie». — В сб.: Probleme der politischen Ökonomie, Bd. 5. Berlin, Akademie-Verlag, 1968, S. 208.

скую ограниченность классической буржуазной политической экономии и доказали, что в дальнейшем научная политическая экономия может развиваться только как теория рабочего класса. Если бы здесь речь шла только о том, что в строго научном смысле правильно или ложно, а не о классовых интересах буржуазии, то эта теория давным-давно исчезла бы с исторической арены. К. Маркс и Ф. Энгельс доказали, что природа человека, из которой буржуазные экономисты выводили все экономические связи и отношения, была ни чем иным, как природой буржуа, столь же преходящей, как и сам капитализм. Строгий научный анализ этого общественного строя, исходивший не из якобы неизменной человеческой природы, а из реальных экономических отношений, позволил им открыть закон развития капиталистического способа производства, выявить присущие ему противоречия, вскрыть механизм возникновения, развертывания и разрешения этих возникших противоречий.

К. Маркс и Ф. Энгельс дали подробный, теоретически глубокий анализ механизма рыночного, конкурционного регулирования капиталистической экономики, который может быть понят лишь как один из аспектов комплексного анализа капиталистического способа производства. Последовательно материалистическая точка зрения и диалектический подход к рассмотрению общественных явлений позволили К. Марксу и Ф. Энгельсу вскрыть, во-первых, объективные, определяемые экономическими отношениями капитализма причины появления этого более рационального по сравнению с предшествующими общественными укладами принципа регулирования. Одновременно классики марксизма показали и элементы иррациональности подобного регулирования, которое по мере дальнейшего обобществления производства превращается в препятствие развитию производительных сил и вследствие этого должно изжить себя даже в рамках сохранения капиталистических производственных отношений. Эта более высокая рациональность производства, неразрывно связанная с механизмом рыночной конкуренции, равно как и факторы, действующие в противоположном направлении, обусловлена сущностью капиталистической собственности.

В условиях докапиталистического производства, базирующегося фактически на натуральном хозяйстве, основным движущим мотивом была потребительная стоимость или, вернее сказать, различные потребительные стоимости. Производство было направлено на удовлетворение паразитических потребностей рабовладельцев, феодалов. Регулирование экономических процессов ограничивалось осуществлением многообразных, конкретных, создающих потребительную стоимость видов производственной деятельности, которые служили целям удовлетворения различных конкретных потребностей собственников. Продукты, обладавшие различной потребительной стоимостью, не имели общей качественной субстанции. Отсутствовал и общий масштаб измерения, который позволял бы сопоставлять их в количественном отношении.

Иначе обстоит дело при капитализме. Здесь движущим мотивом являются не потребительные стоимости, а прибыль. Комбинирование всех видов деятельности, связанных с реализацией глубоко специализированного на основе общественного разделения труда производственного процесса, осуществляется под углом зрения максимизации прибыли. При наименьших затратах достичь определенного результата или при данных затратах получить максимальный результат — в этом собственно и заключается экономическая рациональность. И это впервые становится принципом, присущим всему производству. Впрочем, результат в данном случае означает не что иное, как прибыль капиталиста. Отсюда вытекают одновременно существенные условия ограничения действия закона экономии времени, присущие данной системе.

1. Экономическая рациональность включает максимизацию условий наиболее прибыльного вложения авансированного капитала (условий наибольшего роста стоимости авансированного капитала), а не удовлетворения потребностей людей. Экономическое значение потребительной стоимости ограничивается тем, что она является носителем стоимости и прибавочной стоимости. По этой причине максимальный рост авансированной стоимости капитала лишь косвенно связан с экономической рациональностью, с уменьшением затрат труда в расчете на единицу потребительной стоимости,

что включает также улучшение потребительских свойств изделий. Это антагонистическое противоречие неизбежно порождает ограничения действия всеобщего закона экономии времени.

Рост прибылей обеспечивается расширением производства и ведением его с меньшими затратами. Но одновременно усиливается и степень эксплуатации рабочих. С одной стороны, увеличивается предложение потребительских товаров, а с другой — уменьшается относительно этого предложения платежеспособный спрос трудящихся. Возникает противоречие между производством и рынком, которое находит выражение в уничтожении потребительных стоимостей, сокращении производства, недогрузке производственных мощностей и возникновении безработицы. Общественный характер производства как бы восстает через циклические кризисы перепроизводства против своей ограниченной рамками капиталистических производственных отношений цели.

Ограничение действия закона экономии времени проявляется не только в недостаточном удовлетворении потребностей трудящихся вследствие эксплуатации их капиталом, но и в деформировании самих потребностей рекламой в интересах расширения сбыта, в создании искусственных потребностей, которые в конечном счете унижают достоинство человека, превращают его в объект манипуляций как раз там, где он на первый взгляд является «сам себе королем», а именно покупателем.

Повсюду в тех случаях, когда в интересах роста прибыли потребительная стоимость ухудшается, этим самым сознательно нарушается действие закона экономии времени. Здесь речь идет не о мошенническом производстве заведомо низкокачественной продукции, что всегда было и будет при капитализме, а о широко распространенном, точно рассчитанном сдерживании улучшения потребительских свойств изделий.

2. Экономическая рациональность, ориентирующаяся на капиталистическую прибыль, ограничена рамками капиталистического предприятия, концерна. Это вполне естественно. Ведь планомерная организация производства осуществляется в интересах капиталиста и в пределах, установленных частнокапиталистической собственностью. Капиталист как собственник настаивает

на безусловном подчинении рабочих своего предприятия и как собственник же не приемлет управления извне. Хотя рациональные организация и управление производством на предприятии и в обществе в целом обусловлены теми же общими причинами — разделением труда и вызываемой им необходимостью рационального комбинирования частичных процессов, капиталист всегда будет использовать этот аргумент только в интересах организации в рамках своего предприятия. А всякое прямое государственное регулирование он рассматривает как посягательство на «священные права собственности». Одновременно любую разновидность демократического участия рабочих в управлении он считает экономически нерациональной и ограничивающей его свободу. Так, «Индустрикурир», орган западногерманских промышленников, в ответ на требование профсоюзов предоставить им право участия в управлении предприятиями замечает, что на предприятиях должна быть такая же ограниченная демократия, как в школах, казармах и тюрьмах. Столь явную откровенность суждений не часто встретишь. Рассматривать рабочего одновременно и недееспособным (как несовершеннолетнего), и опасным, и неисправимым, пытаться привить ему одну-единственную добродетель, а именно быть послушным и прилежно работать,— все это, без сомнения, в высшей степени соответствует природе капитализма. Но, разумеется, это всячески стремятся замаскировать.

В наши дни даже такая партия, как западногерманский ХДС, разрабатывает и рекомендует свои варианты «соучастия» в управлении. Конечно, при этом речь идет всего-навсего о том, чтобы сделать само «соучастие» по возможности формальным, безобидным и неэффективным, а его политическое, пропагандистско-идеологическое воздействие, наоборот, как можно более эффективным.

То, что защитники рыночной экономики рассматривают и демократическое участие рабочих в управлении, и государственную систему планирования и управления национальным хозяйством, которая ограничивает действия капиталистов, в равной мере как покушение на свободу, доказывает, что за столь широко превозносимой ими «свободой человека распоряжаться своей

собственностью» скрывается только свобода капиталиста¹.

Капиталистическая собственность, таким образом, обуславливает рациональную, а точнее говоря, весьма хитроумную и изощренную организацию производства на предприятии (или в концерне и т. д.) и стихийное, анархичное производство в рамках народного хозяйства, общества в целом. Скарעדности в отношении каждого грамма сырья и материалов, каждой рабочей минуты на отдельно взятом капиталистическом предприятии, не считающейся ни с жизнью, ни со здоровьем рабочего, противостоит массовое расточительство общественного труда в народном хозяйстве. К. Маркс и Ф. Энгельс не раз обращали внимание на это противоречие: «Побежденные безжалостно устраняются. Это — дарвиновская борьба за отдельное существование, перенесенная — с удесятеренной яростью — из природы в общество. Естественное состояние животных выступает как венец человеческого развития. Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением воспроизводится как *противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе*»².

Разумеется, действия капиталиста — это осознанная деятельность. Предвидение результатов тех или иных действий — характерная черта человеческой деятельности³. Капиталист тщательно продумывает, например,

¹ Приобретение собственности и пользование ею выдается всеми разновидностями буржуазной экономической и общественной мысли за одно из основных прав человека, с тем чтобы иметь возможность изображать капитализм в качестве общественного строя, соответствующего человеку, единственно достойного его. При этом совершенно сознательно игнорируется широко известный, лежащий на поверхности факт, что между собственностью на средства производства и собственностью на потребительские товары лежит пропасть. Автомобиль, используемый его владельцем как средство передвижения, это нечто совершенно иное, чем автомобиль, принадлежащий владельцу транспортно-экспедиторской фирмы, который служит присвоению чужого неоплаченного труда и без него представляет собой скопление, груды не имеющего особой ценности материала.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 20, с. 284—285.

³ «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет не-

в каком объеме, когда, как и с каким эффектом вложить капитал. Эти действия продуманы с учетом непосредственной цели, но в то же время они посят неосознанный, стихийный характер в том, что касается их опосредующего общественного влияния. В общественной сфере эти действия не координируются, частично противостоят друг другу, перекрещиваются и как следствие дают результат, который не предусматривался заранее. Это приводит к тому, что «потери от трения» в общественном процессе воспроизводства исключительно велики и возрастают по мере роста масштабов производства.

К. Маркс отмечал, «что при капиталистическом производстве пропорциональность отдельных отраслей производства воспроизводится из диспропорциональности как постоянный процесс, так как здесь внутренняя связь производства как целого навязывается агентам производства, как слепой закон, а не как закон, достигнутый их коллективным разумом и потому подвластный ему, подчиняющий процесс производства их общему контролю»¹.

Стихийное регулирование капиталистического производства через механизм рыночной конкуренции вполне закономерно предполагает большие потери общественного труда. Поскольку общественные связи проявляются через рынок, т. е. после завершения производства, то, как писал К. Маркс, производится регулирование «постфактум». В тенденции, которая прослеживается на протяжении довольно длительного периода, пропорциональность достигается через ее постоянное нарушение. Широко пропагандируемое равновесие реализуется через его регулярное нарушение, через периодические кризисы. Предложение и спрос выравниваются также в длительной перспективе благодаря отклонению как спроса, так и предложения в обе стороны. Во всем народном хозяйстве нет рациональности. Развитие производительных сил приходит

которых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 23, с. 189).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 25, ч. I, с. 282.

в постоянно углубляющееся противоречие с таким видом регулирования экономических процессов. К. Маркс и Ф. Энгельс предвидели, что подобное развитие может привести к такому состоянию, при котором механизм рыночной конкуренции будет ликвидирован даже еще при сохранении капиталистической собственности. «В трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов»¹.

Упразднение монополий свободной конкуренции и государственно-монополистическое регулирование

На рубеже XIX и XX вв. капитализм вступил в свою высшую и последнюю стадию развития, в стадию империализма. Теоретически эта стадия развития была проанализирована в работе В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». На основе этого анализа была разработана стратегия и тактика борьбы рабочего класса в новых условиях. Для рассматриваемой темы особое значение имеют следующие положения, выработанные В. И. Лениным.

1. Положение о том, что «свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии»². Это означает, что, во-первых, монополия — решающий признак империализма — отрицает свободную конкуренцию и что, во-вторых, это изменение в производственных отношениях капитализма объективно обусловлено развитием производительных сил. В. И. Ленин доказал, что все «мечты» о возврате к «свободной», «мирной», «честной» конкуренции по своему существу представляют мелочнически реакционную критику империализма³, что он подводит к обобществлению средств производства и может быть уничтожен только путем этого обобществления, путем социалистической революции. Монополия стала возможна не только потому, что

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 20, с. 673.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 27, с. 315.

³ См. там же, с. 322.

между относительно немногими крупными капиталистами легче достичь соглашения, чем между многими. Монополия, являясь предпосылкой расширенного воспроизводства в условиях капиталистических производственных отношений, была объективно необходима. Развитие современных производительных сил требует такого высокого уровня накопления, который недоступен разрозненному капиталу. Не случайно переход к империализму связан с новыми формами и методами мобилизации и централизации капитала (акционерные общества и т. д.). В условиях «свободной игры сил» нельзя было бы обеспечить высокое и постоянно растущее органическое строение капитала, организацию современного массового производства, которое, к примеру, в автомобильной промышленности достигло невиданных до сих пор масштабов.

Нельзя не согласиться с мнением видного американского экономиста Дж. Гэлбрейта, когда он в адрес того, кто защищает систему регулирования рыночного хозяйства, говорит: «Он не может требовать, чтобы реактивные пассажирские самолеты, атомные электростанции или даже автомобили производились в нынешних объемах теми фирмами, которые подвержены влиянию постоянно колеблющихся цен и нерегулируемого спроса. Вместо этого он должен требовать, чтобы все эти вещи не производились вообще»¹.

2. В. И. Ленин писал: «Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее»². Империализм не ликвидирует полностью рыночное регулирование, иначе это означало бы, что капитализм переделал собственную природу, что монополистический капитализм перестал быть капитализмом. Система рыночного регулирования как его неотъемлемая черта, как и прежде, образует общие рамки воспроизводственного процесса. Однако в результате диктата монополий, конкурентной борьбы между ними эта система деформируется, ее целостность нарушается, а во многих сферах экономики ее функционирова-

¹ Galbraith J. K. Sechs Gebote der Technik.—«Die Zeit», Hamburg, 1967, 27 Oktober, N 43, S. 38.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 27, с. 321.

ние прекращается вообще. Происходит дальнейшее обострение противоречий в механизме регулирования экономики. Империализм ни в коем случае не устраняет конкуренцию. Напротив, в настоящее время конкурентная борьба между монополиями и аутсайдерами, а также между монополиями намного ожесточеннее и острее, чем в эпоху домонополистического капитализма.

Ускорение концентрации производства и капитала не только усиливает и интенсифицирует процесс монополизации, но и ведет к возникновению качественно нового явления в общественной системе капитализма — появлению государственно-монополистического капитализма. Это означает объединение экономической мощи монополий с возможностями империалистического государства, цель которого обеспечить сохранность империалистической системы в целом, «планомерное» присвоение монопольных прибылей, усиление эксплуатации трудящихся, а также создание условий, позволяющих полностью лишить их политических прав. В Германии формирование государственно-монополистического капитализма началось еще накануне первой мировой войны. В настоящее время в ФРГ эта система окончательно оформилась.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы. «Анонимного» рынка домонополистического капитализма более не существует. Нет и свободной конкуренции, свободной игры предложения и спроса, свободного ценообразования. Практика развитых в промышленном отношении капиталистических стран показывает, что времена рыночного регулирования в смысле свободной конкуренции навсегда миновали. Признаком этого служит действие постоянной тенденции к повышению цен на всех фазах деформированного кризисного цикла.

Неустойчивость современного капитализма с экономической точки зрения обуславливается тем, что он не в состоянии устранить антагонистические противоречия между интересами классов, а также положить конец борьбе монополий за господство. С этим связано и то, что механизм рыночной конкуренции не может быть заменен рациональной общехозяйственной системой планирования и управления, что в условиях капитализма возможно лишь частичное планирование. Это

означает, что, с одной стороны, нарушается целостность присущего капитализму механизма регулирования рыночной конкуренции и его функционирование во многих сферах становится совершенно неэффективным, а с другой — в рамках капиталистических производственных отношений этот принцип регулирования не может быть заменен системой народнохозяйственного планирования, осуществляемого лишь на основе общественной собственности на средства производства. Оба принципа — рыночное регулирование и государственно-монополистическое регулирование — постоянно противоречат друг другу и являются формами проявления растущей неустойчивости капиталистической системы в целом.

«Но в результате капитал попадает в заколдованный круг. Он уже не может вернуться к „старым добрым“ временам, а капиталистическое государство не может выйти из процесса воспроизводства. Все увеличивающееся обобществление производства не может привести к действительному признанию общественного характера производительных сил, потому что государство как классовый инструмент господства монополистической буржуазии призвано не допускать действительного обобществления капиталистической собственности и обеспечивать продолжение капиталистического процесса реализации»¹.

Монополии, будучи непосредственным источником политической, социальной и экономической неустойчивости империалистической системы, в определенном смысле являются в то же время экономически относительно наиболее стабильными ее элементами. Их прибыли, осуществляемые ими инвестиции и устанавливаемые ими цены зависят от сильно деформированного экономического цикла в меньшей степени, чем прибыли немонополизированных предприятий. Монополии обеспечивают свою относительную устойчивость тем, что возмещают (в том числе и с помощью государства) понесенные потери за счет рабочего класса, других трудящихся, а также немонополистической буржуазии. Но как раз именно это и вызывает неустойчивость системы: она не может обеспечить взаимную увязку

¹ Империализм ФРГ. М., Политиздат, 1973, с. 238.

полной занятости, стабильности цен и равновесия платежного баланса.

При современных производительных силах только общественная система социализма может создать условия для высоких и устойчивых темпов экономического роста, социалистическая общественная собственность на средства производства обеспечивает устойчивость всей общественной системы, органически увязывает в единое целое все ее сферы и устанавливает для них общую цель, а именно растущее удовлетворение материальных и культурных потребностей людей, развитие социалистической личности. Здесь возникает вопрос: а как сегодня буржуазная экономическая мысль оценивает рассматриваемую проблему регулирования? В середине 30-х годов она была вынуждена принять во внимание изменения, происшедшие в капиталистической системе, и, по существу, выбросить за борт выдававшиеся за высшую мудрость теоретические принципы свободной конкуренции. Это происходило на фоне, с одной стороны, кризиса, охватившего в 1929—1932 гг. всю мировую капиталистическую систему хозяйства, и, с другой — успехов советской плановой экономики. Кризис положил конец чудодейственной вере в балансирующее воздействие механизма конкуренции. До этого буржуазная экономическая мысль исходила из того, что конкуренция якобы обеспечивает постоянное равновесие всех факторов роста и что безработица носит случайный характер, являясь, мол, «добровольной». Сохранять в силе и дальше эти положения было уже нельзя: на рубеже 1932 г. в одной только Германии насчитывалось почти 8 млн. полностью безработных. Капиталистическая система переживала серьезные потрясения. Одновременно практика доказала полную жизнеспособность советского планового хозяйства.

Буржуазия была вынуждена фундаментально проанализировать механизм функционирования капиталистической экономики в поисках пути восстановления и по возможности сохранения экономической стабильности. Первым буржуазным экономистом, взявшимся за такое дело, был Дж. М. Кейнс. В своем труде «Всеобщая теория занятости, процента и денег» (1936 г.) он прежде всего подверг серьезной критике теоретиче-

ские послышки сторонников экономического либерализма и отметил, что, хотя рыночный механизм имеет тенденцию к восстановлению экономического равновесия, последнее может производиться на различных уровнях занятости. Дж. М. Кейнс был также первым буржуазным экономистом, признавшим противоречия между производством и рынком при капитализме и попытавшимся вскрыть причины этого противоречия. Впрочем, данное им объяснение было неправильным. По мнению Дж. М. Кейнса, полная занятость может быть достигнута лишь при условии, если доход, использованный населением не на потребительские цели (доля сбережений), будет полностью инвестирован, т. е. будет равен доле инвестиций. Но по многим психологическим причинам, обоснованность которых Кейнс не доказывает, доля инвестиций в тенденции ниже, чем доля сбережений. В результате, отмечает Дж. М. Кейнс, эта откладываемая часть дохода приводит к уменьшению спроса, а следовательно, и к сокращению производства; равновесие восстанавливается при более низком уровне занятости и загрузки мощностей.

Все выявленные причины нарушения равновесия Кейнс сводил к субъективным моментам. Он пришел к выводу, что равновесие не только фактически отсутствует, но и не является более объективной тенденцией. Вследствие подобной субъективизации оно становится целью хозяйственной политики. Это представление в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым государственно-монополистическим капитализмом к своим идеологам. Поскольку рыночный механизм автоматически не обеспечивает использования возможности роста экономики, обосновывается необходимость достижения этого равновесия путем соответствующей государственной политики. Но это возможно только на основе субъективизации понятия равновесия, поскольку буржуазной экономической мысли недоступны ни причины возникновения противоречий капиталистической системы, ни понимание того, что в рамках этой системы их решение объективно невозможно. Вместе с тем давит необходимость найти выход из сложившегося положения.

Дж. М. Кейнс рекомендует увеличить в первую очередь непроеизводственное потребление, с тем чтобы

стимулировать спрос на средства производства. Возникает своего рода цепная реакция (принцип мультипликатора). Таким образом, по его идее, должен оживиться весь хозяйственный процесс. По мнению Кейнса, полностью абсурдные, бесполезные инвестиции могли бы выполнять эту функцию: «Если бы казначейство наполнило старые бутылки банкнотами, закопало их на соответствующей глубине в бездействующих угольных шахтах, которые были бы затем наполнены доверху городским мусором, и после всего этого предоставило бы частной инициативе на основе принципов конкуренции выкапывать эти банкноты из земли (причем, чтобы получить такое право, надо было бы, конечно, надлежащим порядком заарендовать банкнотоносную площадь), то безработицы могло бы больше и не быть, а косвенно это привело бы, вероятно, к значительному возрастанию реального дохода общества и его капитального богатства. Конечно, было бы более разумно строить дома и т. п., но если этому препятствуют политические и практические трудности, вышеизложенное лучше, чем ничего»¹. И далее он пишет: «До тех пор пока миллионеры находят для себя удовольствие в постройке гигантских особняков, где они содержат свою плоть при жизни, и пирамид, чтобы укрыть ее там после смерти, или, каясь в грехах, сооружают соборы, или одаривают монастыри и миссионеров, конфликт между изобилием капитала и изобилием продукции может быть отсрочен»². Одновременно Дж. М. Кейнс рекомендует снизить реальную заработную плату, чтобы таким путем увеличить прибыль и оживить инвестиционную деятельность. Это должно происходить, по мнению Кейнса, не за счет сокращения номинальной заработной платы, а путем повышения цен: «Рабочие обычно противятся сокращению денежной заработной платы, но они не прекращают работы всякий раз, как поднимаются цены товаров рабочего потребления»³.

Следует отметить, что основные, наиболее характерные черты кейнсианской теории, разумеется не в пер-

¹ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., ГИИЛ, 1949, с. 124—125.

² Там же, с. 212.

³ Там же, с. 7.

воначальном виде, присущи всем ее модификациям. И независимо от того, хотят это признавать или нет его последователи, она образует теоретический фундамент экономической политики главных капиталистических государств. В тех случаях, когда растут и углубляются экономические трудности этих стран, приходится прибегать к использованию испытанных средств, связанных с предоставлением государством льгот монополиям, свертыванием мероприятий в социальной области и замораживанием заработной платы. Капиталовложения в непроеизводственную сферу являются важнейшим инструментом государственно-монополистического регулирования, оживления экономики. В наши дни таковыми считаются в первую очередь военные расходы, которые, вне всякого сомнения, позволяют находить временное решение рыночной проблемы. Самые высокие темпы роста послевоенной экономики в США были отмечены во время войны в Корее и в первые годы ведения агрессивной войны во Вьетнаме. Попытаемся в заключение сделать из всего сказанного некоторые выводы, касающиеся оценки «концепции рыночного хозяйства».

1. Рыночный механизм как регулятор экономики, несомненно, устарел, так как он:

а) не соответствует масштабам современного производства, которое является массовым в самом широком смысле этого слова. Основная тенденция экономического развития — усиление концентрации во всех фазах процесса воспроизводства. Она растет более высокими темпами, чем объем выпускаемой продукции. В империалистических государствах концентрация производства осуществляется через ускорение процесса монополизации и усиление государственно-монополистического регулирования, пусть даже противоречивого и в значительной степени иррационального. Таким путем создаются крупные хозяйственные единицы, которые только и в состоянии овладеть процессами научно-технической революции. Увеличение масштабов производства сопровождается высокими темпами роста производственных фондов. В промышленно развитых странах стоимость производственных фондов в расчете на одно рабочее место (в сопоставимых ценах) увеличивается каждые 10—15 лет вдвое. Эти средства про-

производства становятся все более приспособленными к конкретным специализированным производственным задачам и приобретают характер крупных установок, агрегатов. Здесь перечислены лишь некоторые моменты, разъясняющие основные проблемы современного производства. Чтобы возможности научно-технической революции использовать экономически эффективно, необходимо обеспечить относительно высокие и стабильные темпы роста экономики. Здесь становится совершенно ясно, что современное производство полностью несовместимо со «свободной игрой сил», со значительными колебаниями сбыта, производства и цен, короче говоря, с рыночным механизмом;

б) противоречит существующим в настоящее время взаимосвязям и взаимозависимостям между динамикой потребностей, производством и рынком. Научно-техническая революция приводит к коренным изменениям в этих связях ввиду того, что новые экономическая и социальная функции науки вызывают качественные структурные изменения в хозяйственном процессе. Возникают новые потребности и оригинальные возможности их удовлетворения. Чрезвычайно важно то, что первоначальные сигналы о появлении новых потребностей и возможностях их удовлетворения идут не от рынка, а из сферы исследований и разработок. Многие современные изделия и технологии появились на свет в научных лабораториях. Как правило, в многолетней работе по созданию нового изделия, появляющегося на рынке, участвуют тысячи людей. А это означает, что выявленный еще К. Марксом основной недостаток рыночного регулирования (оно является регулированием постфактум) мог бы в наши дни привести к практически катастрофическим последствиям, если бы только его попытались действительно осуществить. Рыночное регулирование производства соответствовало уровню развития производительных сил периода домонополистического капитализма, для которого было характерно постепенное совершенствование изделий и технологии при сравнительно малом использовании в производстве результатов научных исследований. Проблема регулирования состояла главным образом в разработке структуры известного, относительно стабильного ассортимента изделий. Это было вполне под силу рыночному

регулированию, хотя и тогда потери от него были велики. Но система рыночного регулирования отказывается, как только экономический прогресс начинает осуществляться преимущественно путем внедрения качественно новых изделий. Их разработка тем больше опережает во времени принимаемые в фазе реализации хозяйственные решения, чем выше их значимость для экономического прогресса.

2. Если внимательно рассмотреть концепцию рыночного хозяйства, то можно отметить удивительный на первый взгляд факт, а именно то, что ее сторонники обходят стороной проблему современного рынка. На это, в частности, неоднократно обращает внимание Дж. Гэлбрейт. Создается впечатление, что перед ними, когда они ведут речь о рынке, витают образы торговых сел, местечек и ярмарок XIX в. А в сущности ничего другого и не может быть: рыночное регулирование действительно соответствует домонополистическому капитализму.

Сложность использования рынка состоит сегодня в том, что необходимая стабильность экономического развития включает постоянное качественное изменение существующей структуры изделий и технологии. Именно рациональные структурные изменения стали решающим условием экономической стабильности. Речь идет прежде всего о широком, массовом сбыте меняющихся, качественно новых и усложняющихся изделий.

Изучение возможностей применения изделий, исследование рынка, прогнозный анализ совокупности экономических условий, существующих у потребителя, «открытие» и освоение рынка, постоянная работа по его поддержанию (причем все это исключительно дифференцированно, что позволяло бы учитывать существование неодинаковых условий на различных рынках и в отношении различных изделий) — в этом заключается использование рынка, отвечающее современным требованиям. При этом акцент следует делать на активном формировании рынка, на рыночной стратегии. Простое приспособление, реагирование также необходимы и полезны как для производителя, так и для потребителя. Но их совершенно недостаточно. С точки зрения основной линии рыночной политики это означало бы отставание, материальные потери. Монополисты знали это.

3. Расширяющееся и углубляющееся государственное-монополистическое регулирование, по своей сути являющееся системой планового получения прибылей монополиями за счет трудящихся, доказывает, что капиталистической системе уже недостаточно собственных методов регулирования экономики.

Хотя государственно-монополистическое регулирование и означает появление исключительно большого числа разнообразных «планов», ему не под силу единое управление совокупным экономическим процессом. Оно зачастую создает новое поле для противоречий, существующих в капиталистическом обществе, но не устраивает их. Являясь регулированием в интересах монополий, оно дает искусственные стимулы экономического роста, носящие в значительной мере паразитический характер. Частнокапиталистическое присвоение максимальной прибыли монополиями было и остается сердцевинной государственно-монополистического регулирования. Одновременно ему присущи функции, направленные на сохранение системы в целом, которые государству приходится осуществлять частично вопреки интересам прибыльности отдельных монополий или вопреки их ближайшим интересам. Это относится к некоторым аспектам экономической политики, проводимой в области образования и науки, к развитию инфраструктуры, защите окружающей среды и т. д., но в условиях капитализма на всех его этапах развитие и в этих областях протекает весьма противоречиво. В целом оно отстает от потребностей общества и не соответствует его возможностям. Опыт к тому же учит, что истинный прогресс в области образования, охраны окружающей среды в капиталистических странах возможен только в том случае, если его добьются трудящиеся в процессе демократических преобразований.

При этом пример, подаваемый странами социалистического содружества, становится своего рода союзником всех трудящихся капиталистических стран. Нет никакого сомнения в одном: с системой рыночного регулирования становятся полностью несовместимыми не только хозяйственные процессы в узком смысле слова, но и различные экономические стороны всех областей общественной жизни.

Глава 2

«Теория социального рыночного хозяйства» и политическая стратегия западногерманского империализма

Лицемерие «неолиберализма»

С точки зрения изложенного выше вначале может показаться полностью необъяснимым широкое распространение в Западной Германии после второй мировой войны второго издания либеральной теории. Речь идет о созданной В. Ойкеном так называемой неолиберальной школе. И действительно, его «теория» о двух формах хозяйства, централизованно управляемом плановом хозяйстве, о так называемой принудительной экономике, с одной стороны, и о так называемой регулируемой экономике или рыночном хозяйстве — с другой¹ — уже на протяжении ряда лет является «теоретическим» фундаментом официальной западногерманской пропаганды в экономической области. Первое в значительной мере отождествляется с социализмом, второе — с современным капитализмом.

В. Ойкен исходит из того, что производство является процессом, который строится на общественном разделении труда и требует взаимодействия отдельных хозяйственных единиц. Это взаимодействие, по его мнению, может осуществляться двояким образом: во-первых, путем «свободного общения» хозяйственных единиц,

¹ См. Eucken W. Grundsätze der Wirtschaftspolitik. Bern, Francke Verlag, Tübingen, Mohr Verlag, 1952.

которое опосредствуется товарообменом, т. е. через рынок, и, во-вторых, путем координации производственной деятельности центральным ведомством, дающим предприятиям соответствующие задания. В первом случае имеют дело с «регулируемой экономикой», или рыночным хозяйством, во втором — с централизованно управляемым хозяйством.

Руководствуясь этим, В. Ойкен и главным образом его последователи, представители «неолиберальной школы», следующим образом оценили обе формы экономики.

1. «Устанавливая на определенный период общий объем спроса на хлеб, мясо, жилье, сталь, уголь и т. д., центральное руководство и его плановые органы исключают из расчетов индивидуальные потребности, оценки и планы, на которых покоятся индивидуальные действия в условиях регулируемой экономики. Индивидуальные потребности могут, к примеру, в сильной степени ориентироваться на хлеб из пшеницы, а центральное руководство устанавливает вместо этого показатели по хлебу из ржи... Решают в основном плановые потребности центрального руководства. Если в централизованно управляемом хозяйстве полностью выполняются центральные планы, то это означает, что экономический процесс достиг своей цели, даже если индивидуальные потребности людей удовлетворены в меньшей мере, чем это могло бы быть в действительности»¹.

В системе рыночной экономики якобы все происходит наоборот: хозяйственные цели устанавливают потребители, а производство ориентируется на удовлетворение их потребностей. В централизованно управляемом хозяйстве основные цели развития определяют центральные органы и производство направлено на выполнение установленного плана. Потребности людей, по утверждению неолибералов, играют здесь второстепенную роль. В силу этого рыночное хозяйство якобы социально, а плановая экономика аптисоциальна, враждебна потребителю.

2. Система рыночной экономики будто бы развивает инициативу, соревнование хозяйственных единиц и признает лишь реальные результаты. В плановом хо-

¹ Eucken W. Grundsätze der Wirtschaftspolitik, S. 100.

зяйстве, напротив, импульсы исходят якобы только от центральных органов, а хозяйственные единицы лишь выполняют возложенные на них обязанности под угрозой применения принудительных мер. Тем самым, утверждает В. Ойкен и его последователи, свобода личности аннулируется. Поэтому рыночное хозяйство якобы демократично, а плановая экономика — недемократична. С точки зрения неолибералов, централизованно управляемое хозяйство несовместимо с демократическим контролем за проведением экономической политики, проверкой законности управления, со свободой выбора рабочего места и, наконец, с духовной свободой, так как оно-де противоречит механизму объективного управления.

3. Поскольку центральный орган не в состоянии охватить многочисленные и разнообразные экономические взаимосвязи и взаимозависимости, хозяйственные цели являются скорее желаемыми и, как правило, нереально высокими. Кроме того, при осуществлении этим органом всех связей и зависимостей возникают крупные «потери от трения». В отличие от этого система свободного рыночного хозяйства, в их представлении, эластична и ориентирована на реальные требования потребителей. «У централизованно управляемого хозяйства нет средств обеспечить пропорциональность. Здесь отсутствует техника управления, которая вызывает движение, направленное на сбалансирование пропорций всех производственных процессов»¹. Подобным механизмом управления, обеспечивающим установление экономического равновесия, является-де рыночный механизм, свободная конкуренция, предполагающая свободное ценообразование. Поэтому, утверждают неолибералы, стабильны только «индивидуальное хозяйство» (полностью себя обеспечивающие единицы, аналогичные крупным имениям при феодализме) и хозяйственный уклад «полной конкуренции». А централизованно управляемое хозяйство и все смешанные формы нестабильны².

«Теория централизованно управляемой экономики» и «теория рыночного хозяйства» задуманы в качестве

¹ Eucken W. Grundsätze der Wirtschaftspolitik, S. 81.

² См. там же, с. 198.

экономического обоснования политической «теории тоталитаризма» социалистического общественного строя и строя «свободной демократии».

Подобный трюк, цель которого состоит в том, чтобы полностью исказить реальные отношения, «освободить» социализм от только ему присущих преимуществ и целей (например, удовлетворение потребностей людей как специфическая цель производства) и приписать их капиталистической системе, заключается в отказе от рассмотрения вообще того экономического условия, которое решающим образом определяет цель и движущие силы производства, а именно собственности на средства производства. Идеологи капитала более всего на свете боятся самого слова «капитализм», они боятся вскрыть основы, суть этого общественного строя, суть капиталистической собственности, а тем самым и капиталистической эксплуатации. При таком подходе они, естественно, не позволяют себе признаться даже в таких элементарных вещах, как то, что, с одной стороны, производство всегда осуществляется в интересах собственника средств производства, что, следовательно, объективная цель частнокапиталистического производства — максимально прибыльное приложение капитала, увеличение капиталистической собственности и что, с другой стороны, при наличии общественной собственности на средства производства не может быть иной цели производства, как все более полное и лучшее удовлетворение материальных и культурных потребностей людей, а в конечном счете свободное и всестороннее развитие социалистической личности.

В тех случаях, когда исходят из отношений собственности, ясно, что при капитализме в результатах хозяйственной деятельности, в увеличении прибыли заинтересованы не непосредственные участники процесса воспроизводства — рабочий класс, а те, кто не работает, — капиталисты, что эти объективные движущие силы порождают такие субъективные мотивы, как корысть, властолюбие и т. п., что все разговоры о «свободном рыночном хозяйстве» в конце концов сводятся к свободе для капиталистов, к свободе капиталистической эксплуатации. Лишь при социализме, где непосредственные производители одновременно являются коллективными собственниками средств производства.

сознательными носителями общественного и экономического прогресса становятся те, кто реально создает материальные и духовные ценности, — прежде всего рабочий класс. Только в условиях социализма воедино сливаются экономический прогресс и гуманистическое содержание экономического процесса, только здесь впервые в истории в широких масштабах развертывается истинное соревнование трудящихся с присущими ему отношениями товарищеского сотрудничества и взаимопомощи.

Этот вопрос подробнее будет рассматриваться в других разделах книги. Здесь обратим внимание лишь на основную методологическую ошибку «теории рыночной экономики». Вместо того чтобы существенные свойства экономической системы и, следовательно, принцип регулирования хозяйства выводить из отношений собственности, из определяемых ими объективной цели производства и интересов господствующих классов, эта «теория», наоборот, выводит эти свойства, и прежде всего цель производства, из принципа регулирования экономики.

Характерной чертой буржуазной пропаганды является ее заведомая лживость, стремление доказывать свои теоретические посылки с помощью систематического, широкого и грубого искажения фактов. Это относится в первую очередь к оценке экономических достижений капиталистических и социалистических стран. Так, упоминавшийся выше В. Ойкен утверждает (и в той мере, в какой это касается социалистических стран, данное утверждение полностью противоречит реальным фактам), что «в XX в. снабжение товарами в странах с централизованным управлением экономическим процессом ухудшилось»¹. При рассмотрении проблем экономического развития ГДР и ФРГ делается вывод, что после окончания войны в 1945 г. в обеих ча-

¹ Eucken W. Grundsätze der Wirtschaftspolitik, S. 119.

Здесь же он прибегает к испытанным трюкам, когда пытается использовать факты ухудшения условий жизни трудящихся в странах с фашистскими режимами правления в качестве аргумента против социалистических стран. Те и другие он подводит под одну категорию стран с централизованно управляемым хозяйством. При этом Ойкен предпочитает плановое хозяйство, основанное на частной собственности, плановой экономике, базирующейся на коллективной собственности.

стях Германии якобы существовали одинаковые условия. Вот, к примеру, наиболее типичное высказывание: «Там и тут (т. е. в ГДР и ФРГ.— *Прим. авт.*) в 1945 г. имелись совершенно одинаковые условия для становления коммунизма и капитализма. Капитализм сумел... обеспечить исключительно высокий уровень благосостояния, коммунизм может пока лишь кормить и одевать, какой-либо роскоши для рабочих он дать не в состоянии»¹. Это утверждение противоречит самым простым и широко известным фактам². Наиболее высокие и стабильные темпы роста производства и национального дохода наши идеологические противники пытаются «переименовать» в «перманентный кризис экономики ГДР». Однако хорошо известно о спадах в западногерманском хозяйстве. Так, в 1967 г. промышленное производство здесь сократилось на 4%, выросла безработица; в 1971 г. в промышленном производстве наблюдался застой, именуемый «смягчением, ослаблением конъюнктуры».

Подобные грубые искажения фактов касаются и реального механизма управления и регулирования эко-

¹ Wannemacher W. Der geduldige Kapitalismus, Wesen und Wege der Wirtschaft in West und Ost. Düsseldorf, Drosste Verlag, 1964, S. 13.

² Подробно мы не останавливаемся здесь на этом вопросе. Напомним лишь одно. На современной территории ГДР разрушения, нанесенные военными действиями, были намного больше, чем на той территории, которую сегодня занимает ФРГ. Гитлеровские войска оказывали ожесточенное сопротивление наступающей Советской Армии, что ни в какой мере не может сравниться с тем, что было на западном фронте. Кроме того, западные державы подвергли ожесточенной бомбардировке немецкие города и промышленные предприятия, расположенные в восточной части Германии. К примеру, на востоке Германии было разрушено 50% городского жилого фонда, на западе — всего 15%. Промышленные предприятия были разрушены соответственно на 45 и 20%. До второй мировой войны наиболее развитыми в промышленном отношении были западные области Германии. Кроме того, в результате раздела Германии в экономике ГДР возникли серьезные диспропорции. В ГДР отсутствовали в то время важнейшие отрасли тяжелой промышленности. На долю ГДР приходилось только 7% металлургической и 20% литейной промышленности. На современной территории ГДР находилось всего 5 из 125 доменных печей. По сравнению с продукцией отраслей перерабатывающей промышленности объем продукции тяжелой промышленности был исключительно низок. Диспропорции наблюдались и внутри отдельных отраслей.

номикой в социалистических и капиталистических странах. У того же В. Ойкена встречаются абстрактные, совершенно бессмысленные искажения системы планового хозяйства. В. Ойкен разработал целый ряд нелепых «идеальных типов» централизованно управляемого хозяйства. Вот как выглядит, к примеру, один из них: центральный орган распределяет хлеб и колбасу; непосредственным получателям запрещается их обменивать. Столь примитивными «аргументами» постоянно оперировали В. Ойкен и его единомышленники. Грубые извращения и фальсификация социалистического планового хозяйства — основной инвентарь буржуазной пропаганды. Одним из отправных теоретических «аргументов дискредитирования» социалистической плановой экономики является ее идентификация с полностью централизованным дирижи́змом, т. е. с системой, в которой не предусматривается никакой самостоятельности производственных и территориальных единиц (частичных систем). Буржуазная пропаганда и сегодня все еще продолжает приписывать это экономике ГДР, но ничего похожего в управлении хозяйственными процессами не было даже в период, предшествовавший внедрению в 1951 г. хозрасчета на народных предприятиях ГДР.

Совершенно ясно, что в подобных системах нет места планированию, осуществляемому самостоятельными социалистическими товаропроизводителями, так же как и товарно-денежным отношениям, материальной заинтересованности, хозрасчету и т. д. Можно подумать, что эти люди ничего не слышали о начале внедрения во исполнение решений VI съезда СЕПГ (1963 г.) новой экономической системы планирования и управления. Ну, а когда речь идет о ней, то при объяснении немедленно пускаются в оборот категории капиталистического товарного производства и делаются рекомендации о полном внедрении их в жизнь. Эти люди не затрудняют себя никакими обоснованиями, они имеют в виду не что иное, как возврат к капитализму или, по крайней мере, своего рода «социалистическое рыночное хозяйство».

Далее, конечно, следуют фразы о том, что централизованное плановое управление и нерационально, и негуманно, и антидемократично, а вот рыночное регу-

лирование во всех отношениях замечательно и великолепно. Вместо доказательств используются произвольные утверждения и намеренные сдвиги в понятиях. Поскольку реальное экономическое содержание ни социалистического планового управления, ни рыночной конкуренции не раскрывается, а, напротив, всячески вуалируется, то модель оказывается бессмысленной. Но это и характерно для буржуазной пропаганды. Ее интересует не раскрытие сути явлений, а их искажение, тенденциозная прокапиталистическая, антисоциалистическая их интерпретация. Подробнее речь об этом пойдет ниже.

Равным образом не соответствует действительности и противоречит элементарным фактам изображение западногерманской экономической и общественной системы в качестве рыночного хозяйства. Рыночное регулирование, как мы уже знаем, представляет тип регулирования хозяйственного процесса, присущего до-монополистическому капитализму. Монополия, вся система государственно-монополистического капитализма в целом положили конец рыночному регулированию.

Отсюда понятно, что отношение «неолибералов» к проблеме монополий должно стать критерием оценки их теории. Что они говорят по этому поводу?

1. Они разделяют убеждение представителей «классического либерализма» в том, что «пригодные формы, т. е., в общем говоря, целесообразный (разумный) экономический строй развивается сам по себе, снизу, из стихийных сил общества»¹. Но одновременно они и критикуют их за то, что те не увидели проблемы монополий. Поэтому государство должно проводить активную политику, направленную на обеспечение свободной конкуренции. Причина возникновения монополий усматривается в субъективной «приверженности к монополизации»², а не в объективных тенденциях развития производительных сил в условиях капитализма.

2. Монополия характеризуется либо «односторонним предложением», либо «односторонним спросом», т. е. можно говорить о монополии только тогда, когда она производит все товары определенного вида. Подобное

¹ Eucken W. Grundsätze der Wirtschaftspolitik, S. 27.

² Там же, с. 31.

ограничение понятия монополии означает практически полное извращение проблемы. Вряд ли можно найти капиталистическое предприятие, которое целиком производит весь объем товаров конкретного вида. Кроме того, налицо исключительно произвольное толкование этого понятия, а именно сведение его к «монополии особого рода» — профсоюзам! При таком подходе борьба против монополий превращается в борьбу против рабочего движения. К каким только «теоретическим» выкрутасам не прибегает буржуазная идеология!

Нередко приходится сталкиваться с точками зрения, в соответствии с которыми в западногерманской экономике монополий будто бы вообще нет. Так, орган ХДС «Рейнишер Меркур» писал, что думать о том, что в Западной Германии существуют монополии, — значит верить в духов. Газета сообщает, что «в реальной действительности 1967 г. нет ни одной единственной монополии, нет ни одного единственного предприятия, целиком овладевшего рынком»¹.

3. Когда речь идет не о пропагандистских спекуляциях, а о реальном отношении к реальным монополиям, то «неолибералы» забывают о своей роли защитников «полностью свободной» конкуренции и выступают уже за картельные соглашения концернов.

Так, Л. Эрхард писал в своей книге «Общее благосостояние»: «Я не в такой мере догматик, чтобы не осознать, что могут быть ситуации, в которых необходимо изменить, если не полностью отменить, существующий запрет на образование картелей»². И чтобы дать понять монополиям, что им никак не следует опасаться этого рыночного хозяйства, он говорит далее в возвышенном стиле: «Никто с чистой совестью не может утверждать, что обоснованные потребности хозяйства не учитываются»³. Да, уж, действительно, этого никто не может утверждать.

Столь путаное отношение защитников рыночного хозяйства к проблеме монополий порой приводит в смущение их противников: неужели необходимо дей-

¹ «Rheinischer Merkur», 1967, 7 April.

² Erhard L. Wohlstand für alle. Düsseldorf, Econ-Verlag, 1957, S. 181.

³ Там же, с. 182.

ствительно доказывать факт существования монополий? И неужели они господствуют только на рынке? Приведем здесь несколько данных, которые делают более очевидным процесс углубления концентрации и централизации производства и капитала. На 7,2% всех предприятий ФРГ и Западного Берлина занято около 70% всех рабочих и служащих; 1,7% семей владеют 74% частного производственного капитала. В руках 0,8% семей сосредоточено 90% акций и банковских вкладов. В истекшие 10 лет 50 крупнейших фирм почти наполовину увеличили свою долю в общем промышленном обороте. Четыре крупнейших стальных концерна «Тиссен», «Хеш АГ», «Крупп» и «Зальцгиттер» за тот же срок увеличили свою долю в обороте сталелитейной промышленности с 58 до 90%. Четыре автомобильных концерна контролируют почти 90% внутреннего рынка автомобилей (ФРГ и Западный Берлин)¹.

Политическая заинтересованность в «теории рыночного хозяйства»

Многие буржуазные экономисты, число которых постоянно растет, открыто признают необходимость планирования в масштабах всего народного хозяйства. Они предупреждают о том, что принцип рыночной экономики таит в себе опасность для существования и развития капиталистического способа производства. Вот что, к примеру, пишет Ф. Поллок: «Если способ производства, базирующийся на широком применении средств автоматизации, вполне осознанно поставить на службу человеку, то он будет содействовать сравнительно быстрой ликвидации существующего в мире бедственного экономического положения и к тому же в масштабах, прежде считавшихся нереальными. В то же время совершенно ясно, что эта цель не сможет быть достигнута, если управление теми силами, которые будут приведены здесь в движение, оставить функционировать в рамках классического рыночного механизма. Это потребовало бы от миллионов людей больших жертв, которые они не хотят более нести. А в хозяйстве

¹ См. Шмитт Х. Заповедник монополий.— «Проблемы мира и социализма», 1973, № 3.

привело бы к таким разрушениям, которые по своим масштабам намного превзошли бы опустошения, нанесенные экономическим кризисом 30-х годов»¹. А несколько ниже он подчеркивает, «что в принципе лишь плановое хозяйство в состоянии рационально решить проблемы, выдвигаемые автоматизацией»².

Сегодня многие буржуазные экономисты и политики в высшей степени единодушны в том, что с помощью механизма рыночного регулирования уже нельзя овладеть научно-технической революцией, являющейся главным полем сражения в классовой борьбе между капитализмом и социализмом. Так, уже цитировавшийся нами Дж. К. Гэлбрейт отмечает, что разговоры о свободной игре цен на рынке, о ликвидации монополий (при сохранении капиталистических производственных отношений) можно назвать просто глупыми³.

Несколько лет назад в европейских капиталистических странах произвела сенсацию книга Ж.-Ж. Серван-Шрайбера «Американский вызов». Западногерманское издание вышло с довольно большим предисловием Ф.-Й. Штрауса, в котором он попытался увязать выводы автора со своей собственной концепцией «единой Европы». Серван-Шрайбер поставил задачу показать ту опасность для капиталистической Европы, которая связана с ее «технологическим отставанием» от США, «отставанием в области менеджмента», с проникновением американского капитала в современные, наиболее передовые отрасли промышленности западноевропейских стран⁴. Чтобы противостоять этому вызову, он требует установления «ведущей роли государства»⁵, проведения соответствующей экономической комиссией, принимающей решения большинством голосов, «западноевропейской промышленной политики», что означает отмену «национального суверенитета» по основным вопросам хозяйственного развития; объединения ресурсов экономического роста стран в решаю-

¹ Pollock F. Automation. Frankfurt (Main), Europäische Verlagsanstalt, 1954, S. 347.

² Там же, с. 352.

³ См. Galbraith J. K. Sechs Gebote der Technik, S. 43f.

⁴ См. Servan-Schreiber J. J. Die amerikanische Herausforderung. Hamburg, Verlag Hoffmann und Campe, 1968.

⁵ См. там же, с. 214.

щих областях (как в исследованиях и разработках, так и в сфере финансирования и реализации проектов); создания западноевропейского рынка капитала, а также правовой и налоговой систем, которые облегчили бы подобную интеграцию.

Совершенно ясно, что в будущем Западная Европа вступит в этап более развитого государственно-монополистического регулирования, «наднациональный» характер которого будет во всевозрастающей степени усиливаться. Перед лицом этих совершенно очевидных тенденций развития даже некоторые западногерманские экономисты выражают удивление и возмущение тем, что в ФРГ в отличие от прочих развитых в промышленном отношении капиталистических стран так упорно придерживаются идее рыночного хозяйства. Между тем в этом нет ничего удивительного. Это «упрямство» с давних пор касается лишь того, о чем вещает официальная боннская пропаганда, а не того, что в действительности творят монополии и находящееся у них на службе государство. О неискренности, неоткровенности буржуазной пропаганды, о той дилемме, перед которой она стоит, говорят, например, высказывания, подобные следующему: «Ради того, чтобы избежать упоминания одиозного понятия „плановое хозяйство“, говорят об общехозяйственном национальном бюджете»¹. Или западногерманский экономист В. Крелле, указывая, что «общехозяйственное регулирование» является задачей государственной экономической политики, пишет: «Это в любом случае связано с понятием экономического программирования рыночного хозяйства. Лучше было бы использовать понятие экономическое планирование при частичном сохранении порядка принятия децентрализованных решений. Но, к сожалению, хорошее слово «планирование» мы позволили взять себе на вооружение восточным централизованным системам»². Совершенно очевидно, кто и у кого хочет кое-что позаимствовать.

Рассмотрим подробнее вопрос, почему после окончания второй мировой войны стало возможным новое

¹ Pollock F. Automation, S. 355 (сноска).

² Krelle W. Die Programmierung der Wirtschaft.— В кн.: Die Wissenschaft und die Zukunft des Menschen. München, 1965, S. 313.

издание буржуазной теории экономического либерализма? И почему это произошло в ФРГ, в то время как в остальных главных капиталистических странах теория Кейнса и его последователей уже в течение многих лет занимает одно из ведущих мест в экономико-социальной пропаганде и является одновременно теоретическим фундаментом государственной экономической политики?

Чтобы найти ответ на этот вопрос, необходимо проанализировать соотношение сил, сложившееся между социализмом и империализмом непосредственно после разгрома гитлеровского фашизма. Гитлеризм показал всему миру, до какой эскалации преступлений, организованных в государственном масштабе, может довести капиталистическая система. Развязанная фашизмом мировая война стоила жизни 50 млн. человек. Неисчислимым материальный ущерб, нанесенный этой войной народам мира. Ужас и отвращение охватывает людей, становящихся свидетелями кошмаров, творившихся в концентрационных лагерях фашистской Германии. Симпатии широких слоев населения, в том числе и стран Запада, были на стороне СССР, его армии, вынесших на своих плечах основную тяжесть войны против гитлеровского фашизма и спасших человечество от фашистского рабства. Естественно, подобная политическая ситуация вынуждала империализм, поскольку это было для него жизненно важным вопросом, затушевывать, отрицать связи между капитализмом и фашизмом, а по возможности и попытаться направить антифашистские настроения против социализма. Для этих целей весьма подходящей оказалась «теория рыночного хозяйства». Анализируя учения Ойкена, можно было уже видеть, что под единое понятие «централизованно управляемое хозяйство» эта теория подводила и фашизм и социализм. Если у Ойкена политические оценки в известной мере явились выводами из его «учения об экономических укладах», то Ф. А. Гаек в своей вышедшей в 1944 г. в Англии работе «Путь к рабству» ставил задачу политически оправдать капитализм как общественную систему. Он пытался переложить вину за приход фашизма к власти на социалистов, представить социализм в качестве противника свободы народов вообще и личной свободы каждого

отдельно взятого человека и тем самым заложить «теоретический» фундамент для ведения холодной войны против социализма, начало которой было затем положено фултонской речью (весна 1946 г.) У. Черчилля¹.

Ф. Гаек стремился внушить мысль о том, что «расцвет фашизма и национал-социализма следует рассматривать не как реакцию против социалистических тенденций того периода, а как неизбежное их следствие». Он пытался выявить наличие у социализма и фашизма политико-этической «общности». Такой общей чертой, по мнению Ф. Гаека, является якобы дух коллективизма в противоположность либерально-демократическому принципу индивидуализма. Как фашисты, так и социалисты, по утверждению Ф. Гаека, видели в либерализме своего главного врага, а социалистическая пропаганда якобы играла на руку фашистам. Естественно, Ф. Гаек широко использует в качестве аргумента противопоставление планового хозяйства рыночному. Это, как мы видели, характерно и для Ойкена. «Теория рыночного хозяйства» была, таким образом, существенной, если не важнейшей составной частью одной из самых крупных кампаний, когда-либо организовывавшихся в целях фальсификации истории. Она показывает, на какие чудовищные извращения истины способна буржуазная идеология, сколь беззастенчиво она подтасовывает самые элементарные исторические факты, когда этого требуют ее классовые интересы. Вытекающая из самой природы социализма политика постепенного повышения материального и культурного уровня жизни народа приравнивается к социальной демогогии фашистов о «всеобщем благоденствии», которое на деле в период подготовки войны означает «пушки вместо масла», а в ходе войны — бедствия, нищету, смерть и в то же время миллиардные прибыли для монополий.

Фашистский «принцип фюрерства» сознательно был перекрашен в коллективизм. Героическую и самоотверженную работу коммунистов против фашизма антагонистические противоречия, существующие между демократическими и социалистическими целями, с одной

¹ Hayek F. A. Der Weg zur Knechtschaft. München, Verlag moderne Industrie, 1971, S. 21.

стороны, и фашистским господством — с другой, — свели всего-навсего к «конкурентной борьбе», происходящей на пути к «одной и той же цели». Фашистское «централизованно управляемое хозяйство», возглавлявшееся и организовывавшееся представителями монополий, возведенными в ранг «руководителей военной экономики», отождествлялось с социалистическим плановым хозяйством. Трудно найти слова, подходящие для выражения всей низости подобной пропаганды.

Экономико-социальные корни, причины возникновения фашизма давным-давно вскрыты и проанализированы. В работе «Империализм как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин обосновал, что монополия не только отрицает свободную конкуренцию, но и включает тенденцию к отрицанию буржуазной демократии. VII Всемирный конгресс Коммунистического интернационала (1935 г.) охарактеризовал фашизм как открытую террористическую диктатуру самых реакционных, самых шовинистических, самых империалистических элементов финансового капитала.

Все это после окончания второй мировой войны было подкреплено соответствующими доказательствами, причем не только в основных чертах. Нюрнбергский процесс против нацистских военных преступников, обобщение и анализ нацистских документов показали до мельчайших подробностей весь общественный механизм фашистского господства в интересах монополистического капитала при непосредственном участии в этом его представителей. «Теория рыночного хозяйства» призвана скрыть и эти общественные взаимосвязи, воспрепятствовать их осознанию.

В конкретных исторических условиях послевоенного периода в Западной Германии «теория свободного рыночного хозяйства» оказалась наиболее пригодной для «теоретико-идеологического обоснования» сохранения капитализма и одновременно для распространения клеветы на социалистический путь развития, на плановое хозяйство, организуемое в интересах всего народа, для оправдания в Западной Германии господства крупного капитала и для ведения «холодной войны» против ГДР. Разве не падают на благодатную почву перед лицом горького опыта, который «накопил» немецкий народ, переживя и фашистскую принудительную эконо-

номику, и карточную систему на основные средства к жизни, и трудовую повинность, и фашистскую систему вообще, такие лозунги, как «свободный выбор потребления», «свободный выбор рабочего места» и т. д.? И разве перед лицом всего этого не были склонны многие люди в этом хоре «фанфаристов свободы» пропустить мимо ушей голос «свободных предпринимателей» или даже считать их участниками этого хора? «Связь» между улучшением снабжения и сохранением капиталистического хозяйства, построенного на извлечении прибыли, стала одним из самых вымученных «аргументов» пророков рыночного хозяйства: «Это основное демократическое право на свободу потребления должно найти свое логическое завершение в свободе предпринимателя что-либо производить и реализовывать в зависимости от условий рынка, т. е. от проявлений потребностей всех индивидов, которые он считает необходимыми и сулящими успех. Свобода потребления и свобода хозяйственной деятельности должны восприниматься в сознании каждого гражданина ФРГ как неприкосновенное право, за нарушение которого следует наказывать, как за покушение на наш общественный строй»¹. Разве не были готовы многие люди под воздействием широкой пропагандистской кампании «плана Маршалла» игнорировать голос разума, предупреждавшего о том, что во второй половине текущего века из этого «свободного предпринимательства» может вырасти только полностью зрелый монополистический капитализм, что это «свободное предпринимательство» будет означать реставрацию тех сил, которые ввергли немецкий народ и все народы Европы в самую крупную во всей истории человечества катастрофу и тем самым похоронили «свободный выбор потребления и работы». Разве не буржуазия и ее идеологи должны были испытывать страх оттого, что ненависть трудящихся к фашистской диктатуре могла быть перенесена на капитализм, ее породивший? И разве попытки буржуазных идеологов не сводились к тому, чтобы эту ненависть направлять против демократических государственных институтов, представляющих интересы всего народа, против демократического планирования?

¹ Erhard L. Wohlstand für alle, S. 14.

И не естественно ли, что на потребу этой цели возникла «теория», которая объединяла под одним понятием и фашистское «централизованно управляемое хозяйство», и социалистическое планирование? Вполне ясно также, что «централизованно управляемому хозяйству» должен был быть противопоставлен новый термин, который облегчил бы задачу перекрасить все то же обогащение монополий за счет трудящихся, представить его чем-то совершенно новым, лучшим по сравнению с фашизмом, термин, который одновременно мог бы использоваться и как идеологическое оружие в борьбе против социализма? И разве может быть изобретено что-либо более пригодное, чем «свободное социальное хозяйство» с его «свободой потребления», «свободой рабочего места» и, конечно, с дьявольским промыслом «свободного предпринимательства», из недр которого и выползла на свет ненавистная всему человечеству фашистская гидра?

Широкое распространение в послевоенные годы в Западной Германии практически одной экономической доктрины «неолибералов» объясняется также рядом объективных экономических причин. Наличие весьма значительного отложенного спроса как на потребительские товары, так и на средства производства, нехватка производственных мощностей, приток американского капитала («план Маршалла») — все это создало ситуацию, в которой «свободная игра сил», почти ничем не ограниченное действие законов рынка привели к экономическому подъему. Впрочем, этот подъем протекал в свойственном для капитализма духе: он сопровождался бурным расцветом спекулятивных махинаций, усилением эксплуатации трудящихся. Это было время так называемого экономического чуда, крестным отцом которого до сих пор называют в ФРГ Л. Эрхарда, бывшего на протяжении многих лет министром хозяйства в правительстве К. Аденауэра, провозвестника «целительного учения о свободном социальном хозяйстве».

В начале 60-х годов эти объективные условия изменились. Дополнительные финансовые источники иссякли, рынок был уже в высшей степени насыщен. Рост свойственных современному капитализму трудностей требовал применения различных форм государственно-монополистического регулирования. Это стало совер-

шенно ясно после кризиса 1966—1967 гг. Во время кризисов в качестве панацеи всегда используются испытанные средства кейнсианской экономической мысли. Время исключительного господства экономического «неолиберализма» миновало. Перед кейнсианством была открыта «зеленая улица». Но это отнюдь не означало конца «теории рыночного хозяйства», ведь «учение о свободном рыночном хозяйстве» ни в коем случае не служило действительным теоретическим фундаментом той хозяйственной политики, которая была бы направлена на возрождение системы свободной конкуренции. Она теперь просто не могла быть реализована, и этого всерьез никогда не пытались делать. Цель этого «учения» — теоретико-идеологическое оправдание восстановления господства капитала и отрицание социализма. Но с точки зрения обеспечения дальнейшего существования всей системы монополистического господства это, без сомнения, было одновременно и исключительно важной практической проблемой. Это означает, что идеологическая и хозяйственно-политическая функции буржуазной политической экономики обуславливают друг друга, взаимопереплетаются. Было бы серьезной недооценкой истинной конкретно-исторической роли «неолиберальной теории» считать, что ее задача состоит «в первую очередь в практически политической эмансипации частнокапиталистических предприятий от опеки центрального аппарата государственной власти»¹. Под этим имеется в виду прежде всего отражение попыток вмешательства западных оккупационных властей в экономическую жизнь ФРГ. Главная функция этой «теории» в действительности состояла и состоит в том, чтобы в интересах монополистического капитала разрешить основное противоречие между социализмом и капитализмом, между силами прогресса и реакции. Логически из выше приведенной ошибочной оценки следует другая, столь же ошибочная: «Новый этап государственно-монополистического развития обуславливает в принципе окончание влияния, оказываемого неолиберализмом. Развитие экономики ФРГ в настоя-

¹ Krause W. Der westdeutsche Neoliberalismus.— В кн.: Bürgerliche Ökonomie im modernen Kapitalismus. Berlin, Dietz Verlag, 1967, S. 53.

щее время ускорило этот процесс и нанесло последний смертельный удар по либерализму»¹.

«Теория свободного социального рыночного хозяйства» в действительности вовсе не умерла. Конечно, если бы ее цель на самом деле состояла в освобождении от опеки центрального аппарата государственной власти, то эта «теория» давным-давно прекратила бы свое существование. Практика же свидетельствует о том, что «теория рыночного хозяйства» остается и в наши дни важнейшим оружием в борьбе буржуазных идеологов против социализма.

Термин «рыночное хозяйство» и теперь в ФРГ самый модный и наиболее часто употребляемый. Не прекращается поток газетных статей на эту тему. Многочисленны разного рода совещания, конференции и симпозиумы.

Весьма показательно в этом смысле широковетельное совместное заявление Л. Эрхарда и К. Шиллера, опубликованное в октябре 1972 г. многими западногерманскими газетами: «Независимо и безотносительно к партийной принадлежности мы заявляем: Мы озабочены состоянием рыночного хозяйства. Этот порядок должен быть сохранен и упрочен. Вопреки всем скептикам, вопреки всем малодушным. И всем лжепрокаам вопреки. Мы — за рыночное хозяйство». Обе «законные» фракции в бундестаге ФРГ — ХДС/ХСС и СДПГ/СВДП — превосходят самих себя в рвении доказать свою полную приверженность рыночному хозяйству. Каждая из них претендует на то, что является лучшим защитником рыночного хозяйства, каждая из них упрекает своего визави в том, что тот потрясает основы рыночной экономики. Показательными в этом отношении явились дебаты, состоявшиеся в бундестаге в январе 1973 г. по поводу правительственного заявления.

Оппозиции показалось весьма подозрительным то, что федеральный канцлер недостаточно подробно остановился на вопросе о рыночном хозяйстве. Она критиковала правительственное заявление за то, что там не было достаточно четкого и однозначного признания

¹ Krause W. Der westdeutsche Neoliberalismus. — В кн.: Bürgerliche Ökonomie im modernen kapitalismus, S. 76.

рыночного хозяйства. Министр хозяйства Фридрихс отклонил критику, заметив, что рассматривает себя официальным защитником данного экономического строя.

Разумеется, и правительство и оппозиция ХДС/ХСС являются сторонниками капиталистической системы хозяйствования. Эти партии вновь и вновь «запрограммированно» твердят о своей приверженности «свободному социальному хозяйству». СДПГ заявила об этом прежде всего в своей Годесбергской программе 1959 г., на которую она весьма часто ссылается.

Если тщательно изучить изложение этой проблемы вышеназванными партиями, можно обнаружить определенные нюансы. Блок ХДС/ХСС претендует на «отцовство» по отношению к рыночному хозяйству и «экономическому чуду» 50—60-х годов. Он в первую очередь делает упор на эффективность, производительность рыночного хозяйства, более открыто выступает в качестве представителя интересов крупного предпринимательства и, естественно, подчеркивает, что свобода и инициатива предпринимателей представляет основополагающую предпосылку для экономического прогресса, а посему они находятся также в сфере интересов и потребителей. ХДС/ХСС упрекают СДПГ в том, что она недостаточно последовательно защищает частную собственность, не в полной мере содействует развитию деловой активности предпринимателей, а, проводя свою социальную политику, способствует падению «производительности» хозяйства и тем самым в конечном счете наносит ущерб свободе индивида. Л. Эрхард выступал неоднократно против тех, кто «не хочет или не может понять, что они своим требованием о „больших социальных гарантиях“ или своими разговорами об „общественной бедности и частном богатстве“ дают в руки государства все больше прав на вмешательство в свою собственную частную сферу и благодаря этому могут надолго оказаться в полной зависимости от коллектива»¹.

Приверженность СДПГ к «свободному рыночному хозяйству» в большей степени связана с открытой под-

¹ Erhard L. Warnung vor und für Sozialisten aller Parteien. — «Die Welt», 1971, 14 Oktober, S. IX.

держкой государственно-монополистического регулирования, с положением о том, что рыночное регулирование, во-первых, нецелесообразно в определенных областях хозяйственной жизни (в угольной промышленности, на железнодорожном транспорте) и, во-вторых, его следует увязывать с «народнохозяйственным счетоводством» и национальным бюджетом. Это должно, как говорится в Годесбергской программе, установить «для народного хозяйства своего рода прицел», который не исключает, а предполагает права на свободное принятие решений. Все сказанное можно свести в одно предложение: «Конкуренция — по возможности шире. Планирование — в меру необходимости». Этот элемент государственно-монополистического регулирования СДПГ рекомендует использовать для решения проблем, стоящих перед капиталистической системой ФРГ в целом.

Блок партий ХДС/ХСС, уповавший на «действенность» экономического учения Эрхарда и односторонне оперировавший схемами «свободного рыночного хозяйства», оказался недостаточно гибким в изменившихся условиях, потребовавших расширения масштабов государственно-монополистического регулирования. Попытки бывшего федерального канцлера Л. Эрхарда осуществить этот поворот были запоздалыми и малоэффективными.

Рост политического влияния СДПГ объясняется в значительной мере и тем, что она в последние годы явно пыталась выступать в качестве «рабочей партии», в политической агитации больше уделяла внимания вопросам «участия рабочих в управлении», «формирования имущественного состояния у работников», проведения налоговой политики в их интересах. И то, что говорилось по адресу ХДС/ХСС, порой звучало довольно смело. «Нельзя, — отмечал в свое время В. Брандт, — использовать рыночное хозяйство для «маскировки антисоциальной деятельности», необходимо выступать против тенденции к приватизации прибылей, с одной стороны, и тенденции «социализации» потерь и рисков — с другой». Но из этого ни в коем случае нельзя делать слишком поспешных выводов: ведь все это нацелено только на то, чтобы заполучить голоса избирателей. Словесный камуфляж не делал СДПГ подозрительной в глазах «власть держащих».

При этом учитывается и то, что правое социал-демократическое руководство вынуждено будет, если получит возможность возглавить правительство, выступать на словах в интересах империалистической системы с более «левых» позиций, чем это оно делает, находясь в оппозиции, хотя бы для того, чтобы нейтрализовать некоторые настроения и течения, более левые, чем само правительство. Именно потому, что все эти на словах «дружественные» в отношении «работополучателей» тона не имеют ничего общего с настоящей рабочей политикой, они несут на себе ярко выраженный налет антикоммунизма. Решающим критерием истинности является, как известно, практика. А практический опыт последних лет как раз и показал, что продемонстрированные и разрекламированные официальные «акции», которые должны были способствовать «выравниванию интересов работополучателей и работодателей», на деле никак не могут улучшить положение рабочего класса. Ясно, что в рамках капиталистического рыночного хозяйства невозможно решить существующие общественно-политические проблемы в интересах рабочих и всех остальных трудящихся. Напротив, «теория рыночного хозяйства» была изобретена специально для того, чтобы держать трудящихся прикованными к капиталистической системе.

Современная экономическая политика ФРГ в своей теоретической основе является больше кейнсианской, чем «неолиберальной». Не следует обманываться в этом, хотя и ведется показная полемика о рыночном хозяйстве и хотя СДПГ публично заявляет о своей приверженности к нему. Речь здесь не о том, что кейнсианство якобы несовместимо с рыночной экономикой. Несомненно, прав Г. Майснер, когда он объясняет критику этой полемики тем, что определенные круги монополистического капитала хотят предостеречь СДПГ от проведения излишне дирижистских мероприятий (например, замораживание цен) и поэтому требуют от нее регулярных заверений в своей приверженности к рыночному хозяйству¹. Политический интерес, проявляемый империализмом ФРГ к «теории рыночного хозяй-

¹ См. Meißner H. Streit um die «Marktwirtschaft». — «DWI-Bericht», 1971, N 9, S. 6ff.

ства», обусловлен не только потребностями во «внутри-политической альтернативе» социализму. Этот интерес вызван не в последнюю очередь тем, что подобная альтернатива благодаря «теории социалистического рыночного хозяйства» полностью соответствует империалистической стратегии «просачивания» в социалистические страны, их «размягчения», «размывания» изнутри.

Одна и та же политическая цель обуславливает заинтересованность западногерманского империализма как в расширении масштабов государственно-монополистического регулирования в «собственном доме», так и в ликвидации системы централизованного управления и планирования в социалистических странах. Вопрос о руководящей роли государства имеет решающее значение в борьбе между капитализмом и социализмом. И если еще К. Шиллер несколько лет назад говорил о «синтезе фрейбургского императива конкуренции по Ойкену и кейнсианской миссии, касающейся регулирования эффективного совокупного спроса»¹, то можно быть полностью уверенным в том, что в боннской практике и пропаганде Ойкен и Кейнс занимают неодинаковое положение: одновременно с безусловной фактической активизацией государственно-монополистического регулирования в Западной Германии на словах, как и прежде, предпринимаются попытки внушить мысль о существовании «свободного рыночного хозяйства».

¹ Schiller K. Eucken, Keynes und ich.— «Kapital», 1967, N 4, S. 25.

Глава 3

«Социалистическая рыночная экономика» — одна из антисоциалистических концепций общественного развития

В недалеком прошлом «теория рыночного хозяйства» была модернизирована весьма своеобразным способом. Если говорить точнее, то это «растение» дало новый «побег» — «рыночный социализм». Он похож на материнское растение, однако предназначен для выращивания на другом участке, охраняемом другим сторожем. Но если рассматривать данное обстоятельство исключительно под углом зрения места культивирования, то можно прийти к заключению, что в данном случае имеется в виду «рыночный социализм» не в том виде, в каком его, к примеру, описал К. Немитц в своей книге под таким же названием. Он говорит о «хозяйственно-политической концепции немецкой социал-демократии», возвещающей о намерении «улучшить» теперешний капитализм. Речь идет, скорее, о попытках внедрить принципы рыночного регулирования в реально существующие условия социалистического общественного строя. Актеры, участвовавшие в спектакле по реализации этой концепции на практике (лето 1968 г., ЧССР), пережили теоретический и политический провал. Тем не менее весьма актуальной остается задача борьбы с концепциями «рыночного социализма» и не только для понимания новейшей истории классовой борьбы двух систем, но и потому, что попытки «внедриться»,

«просочиться» в социализм, разрушить его изнутри полностью соответствуют главной стратегической линии борьбы империализма против социализма в современных условиях.

Для ответа на вопрос, почему в последние годы империалистическая и ревизионистская идеология столь рьяно пропагандирует «теорию рыночного социализма», важно учесть следующие два момента.

Во-первых, империалисты прилагают все усилия для того, чтобы наилучшим образом приспособиться к изменившемуся в классовой идеологической борьбе соотношению сил. Прямая, открытая клевета на социализм и слишком примитивные методы восхваления капитализма плохо действуют. Поэтому они дополняются более гибкой, более утопченной аргументацией, позволяющей еще больше затушевывать стратегические цели империализма. Здесь весьма кстати оказалась и буржуазная интерпретация механизма рыночной конкуренции.

Во-вторых, многие социалистические страны вступили в стадию развитого социализма, что, естественно, поставило на повестку дня новые сложные вопросы совершенствования экономического механизма. Империалистическая идеология стремилась и стремится активно «включиться» в этот процесс поиска более совершенных методов управления и планирования социалистического хозяйства, направить развитие социализма таким образом, чтобы это соответствовало ее долгосрочным стратегическим целям. Эта тактика нашла яркое выражение в формулировке понятия «либерализации социалистических стран». Само собой разумеется, на место главных действующих лиц здесь выдвинуты ревизионисты. «Пересадка» капиталистического по своей природе механизма рыночной конкуренции в организм социалистической экономики («теория рыночного социализма») должна стать тем зародышем, который по замыслу должен повлечь за собой эволюцию всего организма, цель которой в конечном счете создать условия для «ползучей» контрреволюции.

С теоретико-исторической точки зрения данный «рыночный социализм» является продуктом исключительно буржуазного мышления. Так, это вытекает из факта идентичности ряда его важнейших положений «нео-

либеральной теории». «Рыночный социализм» — один из вариантов современных буржуазных антисоциалистических теорий. Это означает, что положения «рыночного социализма» по вопросу об экономической роли государства родственны кейнсианству и не имеют ничего общего с марксистско-ленинским пониманием социалистического планирования. Теория «рыночного социализма» является результатом и звеном общего процесса эволюции антисоциалистического использования буржуазной идеологией принципа рыночного регулирования.

Этот принцип издавна играл важную роль в идеологической диверсии империализма против социализма. В зависимости от объективных условий международной классовой борьбы методы его использования дифференцировались. Здесь можно выделить следующие этапы.

1. На первых порах мнимое превосходство рыночного регулирования использовалось для «доказательства» нерациональности социалистического хозяйства. Как было показано, особую роль здесь играла «неолиберальная» школа, по своим основным теоретическим посылкам тесно примыкавшая к экономическому либерализму классической буржуазной политической экономии. Ее «теория централизованно управляемого хозяйства», с одной стороны, и «свободного рыночного хозяйства» — с другой, преследовала цель «доказать» нерациональность управления экономикой в централизованном порядке, что, естественно, отождествлялось с социализмом, а также неустойчивость любых смешанных форм.

2. Если во времена «холодной войны» «теория централизованно управляемого хозяйства» и «свободного рыночного хозяйства» выполняла функции прямой, открытой клеветы на социализм и беззастенчивого восхваления капитализма, то сейчас к этому добавилось нечто новое. В соответствии с изменением тактики империализма отныне социалистическим странам рекомендовали строить «рыночный социализм». Существенно здесь и то, что правые ревизионисты, превратившиеся в ярых защитников «рыночного социализма», полностью переняли доводы буржуазных идеологов, используемые ими для клеветы на социалистическое плановое хозяйство и прославления рыночного регули-

рования. Собственный «вклад» ревизионистов состоял лишь в их «искреннем» желании «прочно» укоренить в социалистическом обществе объективно присущий капитализму механизм регулирования свободной конкуренции.

3. После того как ревизионисты потерпели политическое фиаско в ЧССР, «теория социалистического рыночного хозяйства» была вынуждена уступить часть своих позиций в идеологической борьбе империализма против социализма широко рекламируемому сторонниками теории конвергенции «учению о смешанном обществе», а также разного рода «теориям индустриального и постиндустриального общества», «эпохи технократов» и т. д. и т. п. Ревизионисты типа О. Шика совершенно недвусмысленно объявили себя сторонниками теории конвергенции. Духовное родство этой теории с «рыночным социализмом» очевидно, так как она предполагает, что «смешанное общество» станет реальностью, если навязать социализму рыночные регуляторы.

Несомненно, что попытки буржуазных идеологов и их ревизионистских подголосков рекомендовать социалистическим странам механизм рыночной конкуренции в той или иной его форме, в виде той или иной теории, чтобы повлиять на развитие социализма в этом направлении, будут практиковаться и в дальнейшем, поскольку подобные теории отвечают требованиям долгосрочной стратегии империализма. Выше уже говорилось, что собственный «вклад» ревизионистских приказчиков «рыночного социализма» весьма и весьма незначителен. Они полностью переняли не только основные идеи буржуазного экономического либерализма, но и «утонченную», дифференцированную аргументацию «неолибералов» и их последователей вплоть до отдельных деталей. В качестве ответной услуги они снабжают буржуазную идеологию «свидетельскими показаниями» из первых рук, служащих целям клеветы на социалистический строй, на социалистическое плановое хозяйство. Само собой разумеется, что буржуазные идеологи спешат тотчас же объявить этих «главных свидетелей» ведущими учеными-экономистами «восточного блока».

Основная идея «рыночного социализма» сводится к следующему: все экономические решения принимает

производственное предприятие; лишь оно одно определяет, что и в каком количестве следует производить, что, в каких количествах и по каким ценам следует покупать или продавать. И хотя в описаниях этой системы ее изобретателями есть множество различных нюансов, общими для всех являются следующие требования.

1. Определяемый централизованно государственный план устанавливается хозяйственной единице исключительно «для информации», он не содержит никаких обязательных для предприятия заданий. Этот «план» дает им общую ориентировку и является своего рода «макроэкономическим прогнозом конъюнктуры». По поводу сказанного следует заметить: а) то, что предлагается, не только не улучшает планирования, но и не является планированием вообще; б) предлагаемое намного меньше того, что делает империалистическое государство в целях экономического регулирования, осуществляемого в централизованном порядке.

2. Государство воздействует на изменение структуры хозяйства, во-первых, путем осуществления экстенсивных капиталовложений, финансируемых непосредственно им, и, во-вторых, через налоговую и кредитную политику.

3. В рамках общих условий хозяйствования (правовые нормы общего гражданского права, в первую очередь хозяйственного права, а также налоговой и кредитной политики) существует полная автономия предприятий — «полное отделение предприятий от государства».

4. Господствует свободное ценообразование, зависящее от колебаний товарного спроса и предложения на рынке.

5. Трудовой доход трудящихся полностью зависит от рентабельности предприятия. Центральным критерием эффективности является так называемый валовой доход, т. е. выручка за минусом затрат на сырье и материалы, а также амортизационных отчислений (иначе говоря, заработная плата + прибыль). Коллектив предприятия или его представители принимают решение об использовании валового дохода на цели накопления и потребления. Руководит предприятием орган, избираемый коллективом работников.

Экономическая эффективность этой системы обуславливается, по мнению ее изобретателей, следующими двумя факторами.

1. Поскольку хозяйствующие единицы связаны только через рынок, их производство будет якобы ориентироваться на реальный спрос, а не на какие-то там «плановые цифры». Через рыночный механизм предприятие станет получать информацию об изменении спроса, конъюнктуры. Рынок, а не план в этих условиях становится регулятором производства.

2. Конкуренция на рынке является-де решающей движущей силой экономического процесса; рынок превращается в «арбитра» по спорным вопросам рациональности хозяйственной деятельности предприятия.

Правильная оценка объективного воздействия рыночного регулирования при социализме, оценка тех политических целей, которые преследуются использованием «теории рыночного социализма», возможна лишь при условии восприятия социализма как единого целого, как общественной системы.

Социализм может успешно развиваться только как совокупность всех его основных элементов и их определенных взаимосвязей и взаимозависимостей (структура системы). Каждый элемент существует только в связи с другими, воздействие всех элементов является условием существования каждого отдельно взятого элемента. И наоборот, отсутствие или замена одного из них чуждым для данной системы элементом в конечном счете приведет к разрушению этой системы в целом. Сказанное относится в первую очередь к элементам, определяющим характер системы: политическая власть рабочего класса и руководящая роль его партии во всех сферах общественной жизни; общественная собственность на средства производства; международная солидарность стран социалистического содружества, и в частности их прочный союз и сотрудничество с Советским Союзом. Именно против этих определяющих характер всей системы элементов нацелена империалистическая пропаганда, в той или иной степени несущая на себе маску «дружественных» рекомендаций по «улучшению» отдельных сторон социализма.

Чрезвычайно важно использовать в борьбе против идеологии и политики империализма именно системный

подход. Задача в том, чтобы показывать глубину и неустранимость противоречий империализма как системы; обусловленность их в конечном счете антагонизмом между общественным характером современных производительных сил и частнокапиталистическим, монополистическим присвоением. Все социальные, экономические и политические формы проявления противоречий империализма объясняются их системной принадлежностью. И наоборот, должны быть сведены на нет усилия буржуазных идеологов, направленные на то, чтобы отрицать эту обусловленность политических, экономических и социальных противоречий империалистических стран существующей общественной системой, выдавать их за вполне исправимые изъяны (недостатки) или же за неустранимые последствия явлений, «нейтральных» к данной системе (например, автоматизации). Одновременно необходимо бороться с их попытками преувеличивать, раздувать случайные, преходящие и в любом случае неантагонистические противоречия процесса социалистического строительства, изображать их в качестве неких антагонизмов, якобы внутренне присущих системе социализма, а также с попытками считать чуждыми социализму отдельные важные моменты и факторы социалистической экономики (например, товарно-денежные отношения).

Только с этих позиций можно правильно оценить рыночное регулирование, проанализировать его воздействие на систему социализма в целом.

Не может быть сомнения в том, что рыночное регулирование соответствует уровню развития производительных сил домонополистического капитализма и адекватных ему отношений собственности. Тип экономического регулирования той или иной системы обуславливается объективными причинами, и в первую очередь общественными отношениями. Процесс регулирования является не чем иным, как механизмом воздействия общественных (социальных) движущих сил конкретного способа производства. Закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил гласит, что каждая исторически определенная ступень развития производительных сил требует таких производственных отношений, которые являются формами развития этих производительных сил, т. е. той

движущей силой, которая приводит их в движение и содействует максимальному использованию возможностей роста, внутренне присущих производительным силам. Поэтому неправильным следует считать тот подход, при котором заранее допускается, что применяемая система регулирования хозяйства может быть «свободно» выбрана, и весь вопрос будет состоять лишь в теоретическом толковании и практическом организационном освоении этой системы. Те из буржуазных экономистов, которые признают необходимость планирования в общегосударственном масштабе, именно таким образом подходят к рассматриваемой проблеме. И это вполне понятно, ибо в противном случае им пришлось бы признать, что с исторической точки зрения капиталистический общественный строй является анахронизмом. Так, известный буржуазный экономист Ф. Поллок сводит планирование к проблеме получения необходимой информации¹.

Безусловно, проблема получения, передачи и обработки информации имеет большое значение для планирования народного хозяйства. Но дело не только в этом. К тому же и получение информации является в первую очередь не технической, а социальной проблемой.

Решение информационной проблемы народнохозяйственного планирования невозможно в рамках существования капиталистической частной собственности. Для современных ревизионистов проблема регулирования равным образом представляется проблемой, почти не имеющей никакого отношения к производственным отношениям.

Несомненно, одной из важнейших предпосылок «успешной» защиты буржуазными идеологами и ревизионистами «рыночного социализма» является полное игнорирование ими основных положений марксистско-ленинской теории.

При оценке данной «рыночной концепции» важно понять, что речь идет вовсе не о создании более эффективной системы планирования и управления социалистическим хозяйством, а в конечном счете о самом существовании социализма.

¹ См. Pollock F. Automation, S. 239.

Общенародная собственность. Групповая собственность

Прежде всего речь идет о сущности социалистической собственности, и в первую очередь общенародной. Представители «рыночного регулирования» — явно или неявно — выступают против общенародной собственности. И дело вовсе не в том, поставит или не поставит предприятие на бланке делового письма или на фирменной вывеске слово «народное». Важно то, что оно является таковым объективно по своему экономическому и социальному содержанию. Народные предприятия не могут быть автономными. Если они полностью автономны в том смысле, в каком предписывает «рыночный социализм», то они являются собственностью уже не всего народа, а какой-то группы. И в этом смысле речь идет об особом виде коллективной, а не общенародной собственности. Нередко приходится встречаться с высказываниями такого рода, что якобы неправильно говорить об общенародной собственности как более высокой форме социалистической собственности, что коллективная собственность имеет преимущества перед общенародной. Так, например, Беренс пишет в докладе, представленном на конференции, состоявшейся во Франкфурте-на-Майне по случаю 100-летия со дня выхода в свет «Капитала» К. Маркса, и опубликованном в органе Объединения немецких профсоюзов (ФРГ) «Геверкшафтliche Monatshefte», что «денационализация хозяйства» становится «тенденцией развития социалистических индустриальных стран». Он высказывается за «делегированную коллективную собственность», которая представляет собой «высшую по сравнению с государственной форму общественной собственности»¹.

Иногда предпринимаются попытки обосновать положения К. Маркса и Ф. Энгельса, прежде всего из их ранних работ, эти взгляды на коллективную собственность как форму собственности, адекватную социализму. Так, утверждается, что К. Маркс и Ф. Энгельс якобы выступали за обобществление, а не за

¹ Behrens F. Kritik der politischen Ökonomie und ökonomische Theorie des Sozialismus.—«Gewerkschaftliche Monatshefte», Düsseldorf, 1967, N 12, S. 719.

национализацию (огосударствление) средств производства, что они якобы понимали под этим «самоуправление производителей», их коллективное присвоение.

Ссылки на К. Маркса в подобной связи просто недопустимы. Противоречит всем нормам научной аргументации использование Марксова положения о том, что с захватом пролетариатом средств производства в свою собственность государство отомрет, для обоснования тезиса, что якобы К. Маркс и Ф. Энгельс выступали против государственной собственности. Тезис о скором отмирании государства в результате захвата власти пролетариатом базировался на предположении об одновременной победе социалистической революции во всех основных капиталистических странах. Как известно, это предположение не подтвердилось. В результате перехода от домонополистического капитализма к империализму углубилась неравномерность развития капитализма. Важным выводом, который сделал В. И. Ленин в своем учении об империализме для стратегии и тактики борьбы пролетариата за захват власти в новых условиях, был, как известно, тезис о возможности победы социализма в одной стране. В этих новых условиях, в условиях сосуществования капиталистической и социалистической общественных систем не может быть и речи об отмирании государства. Любое требование, имеющее своей целью преуменьшить роль социалистического государства, неизбежно оказывается направленным против всей социалистической системы. Каждому социалисту должно быть понятно это столь простое обстоятельство. В условиях, когда государственная власть становится властью народа, народная собственность существует в форме государственной собственности. Для К. Маркса и Ф. Энгельса в принципе были идентичными понятия «общественная, социалистическая собственность» и «общественное присвоение». Еще при жизни К. Маркса и Ф. Энгельса нашелся человек, который считал, что коммуны при социализме могут быть полностью самостоятельными и действующими в условиях «механизма свободной конкуренции». Речь идет о ставшем столь известным благодаря гениальному труду Ф. Энгельса господине Дюринге. Ф. Энгельс посчитал, что не стоит труда подробно останавливаться на вопросе, как осуществляется

производство при коммунизме и ограничился ироническим замечанием: «... оно идет совсем по-старому, с той только разницей, что место капиталиста заняла теперь коммуна»¹. Разве это не исключительно меткая характеристика «рыночного социализма»? Разве не ясно, что ссылки поборников «рыночного социализма» на К. Маркса и Ф. Энгельса абсолютно непозволительны. Столь же беспочвенны их попытки в вопросе о необходимости социалистической государственной (общенародной) собственности, а также планирования в общегосударственном масштабе выявить противоречия между взглядами К. Маркса и Ф. Энгельса, с одной стороны, и В. И. Ленина — с другой. В написанной Ф. Энгельсом работе «Принципы коммунизма» значится, что при установлении нового общественного строя «прежде всего, управление промышленностью и всеми отраслями производства вообще будет изъято из рук отдельных, конкурирующих друг с другом индивидумов. Вместо этого все отрасли производства будут находиться в ведении всего общества, т. е. будут вестись в общественных интересах, по общественному плану и при участии всех членов общества»². Здесь четко просматривается общее представление К. Маркса и Ф. Энгельса о социалистической или коммунистической собственности как о форме производства «за счет всего общества». Разумеется, К. Маркс и Ф. Энгельс не ставили перед собой задачу проанализировать сложную внутреннюю структуру процесса присвоения при социализме. Но они совершенно однозначно и неопровержимо доказали его коренное свойство: средства производства являются неделимой общенародной собственностью, все члены общества — равноправные собственники этих средств производства. Марксова теория исключает всякую возможность «растворения» народной собственности в коллективной. Это полностью противоречит букве и духу марксизма-ленинизма. Конечно, К. Маркс и Ф. Энгельс не исключали коллективную собственность. Они указывали совершенно четко на возможность и неизбежность ее существования в сельском хозяйстве. «А во-вторых, точно так же очевидно,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 20, с. 301.

² Там же, т. 4, с. 329—330.

что, обладая государственной властью, мы и не подумаем о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, это безразлично), как это мы вынуждены сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели»¹. Объективная необходимость коллективной собственности при социализме вытекает в первую очередь из факта существования частной собственности на средства производства, которая покоится на собственном труде, а не на эксплуатации человека человеком. Добровольное объединение в коллектив (кооперирование) — единственный путь приведения этих союзников рабочего класса к социализму. Опыт социалистического строительства полностью подтвердил правомерность этого положения Ф. Энгельса. Однако нет объективных причин превращать после победы социалистической революции и рабочих в групповых собственников.

В. И. Ленин указывал на то, что кооперативная (коллективная) собственность не является априори социалистической собственностью. Лишь в условиях, когда в руках рабочего класса находится политическая власть и решающие средства производства (в качестве общенародной собственности), рост кооперативов идентичен росту социализма². «... Величайшим искажением основ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 22, с. 518. Могут возразить, что К. Маркс и Ф. Энгельс не раз применяли понятие «коллективная собственность» и к промышленности. Но здесь во всех случаях речь идет не о групповой собственности, а о синониме понятия «общественная собственность». Это хорошо видно из следующего замечания Ф. Энгельса, содержащегося в его письме к Августу Бебелю: «...германская рабочая партия стремится к уничтожению наемного труда и тем самым классовых различий посредством осуществления коллективного производства в промышленности и земледелии и в национальном масштабе...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 19, с. 4). Ясно, что коллективное в национальном масштабе и есть общественное. В работе же «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», где речь идет о сельском хозяйстве, Ф. Энгельс под термином «коллективная собственность» имеет в виду групповую собственность.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. Изд. 5-е, т. 45, с. 369—377.

ных начал Советской власти и полным отказом от социализма является всякое, прямое или косвенное, узаконение собственности рабочих отдельной фабрики или отдельной профессии на их особое производство, или их права ослаблять или тормозить распоряжения общегосударственной власти»¹.

Ведущая в экономическом и техническом отношении роль промышленности в народном хозяйстве, ведущая роль общенародной собственности и руководящая роль рабочего класса в социалистическом обществе образуют органическое единство. Они представляют различные стороны одного явления и характеризуют материально-технический, экономический и политический аспекты самой основы нового общественного строя. А превращение рабочего класса в класс социалистических кооператоров с определенной точки зрения означало бы шаг назад по сравнению с объективным положением рабочего класса даже при капитализме. В условиях капитализма отношение всех рабочих к средствам производства одинаковое, только это отношение имеет отрицательный знак, иными словами, все рабочие в равной мере не являются их собственниками и все эксплуатируются капиталистами с помощью этих средств производства. Это в принципе одинаковое социальное положение является основой классовой солидарности рабочих, их борьбы, направленной на революционное преобразование всей совокупности общественных отношений. В условиях атомизированной экономики «рыночного социализма», расчлененной на изолированные автономные предприятия, которые являлись бы собственностью работающих на них коллективов, возникла бы разрозненность интересов рабочих различных предприятий, и даже такие многочисленные элементы экономической противоположности рабочих различных предприятий и отраслей, каких не наблюдалось в условиях капитализма. Изолированность рабочих различных предприятий стала бы, несомненно, более значительной, а сознание их ответственности за судьбы всего класса в условиях подобных экономических отношений развивалось бы в меньшей степени, чем это имело место при капитализме.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 36, с. 481,

Поэтому стоит ли удивляться, что среди буржуазных идеологов нашлись столь рьяные ходатаи за «рыночный социализм». Вполне допустимо, что созданная ошибочной теорией «ложная реальность» в свою очередь стала бы использоваться для подтверждения самой этой теории. Иначе говоря, обусловленная действием рыночного механизма неспособность рабочего класса эффективно представлять интересы общества в целом будет восприниматься как доказательство необходимости управления обществом специально созданной для этих целей элитой. Разумеется, эта иллюзия не может сохраняться длительное время, но она может нанести серьезный вред делу социалистического строительства. Развитие социализма, его существование в длительной перспективе требуют органической увязки различных частных интересов с совокупными интересами общества, текущих интересов с перспективными и, наконец, национальных интересов с интернациональными. Только рабочий класс в силу своего объективного классового положения в состоянии увязывать в повседневной жизни все эти интересы между собой. Его партия — воплощение единства этих интересов. В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что коммунисты «в борьбе пролетариев различных наций... выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата»; что «они всегда являются представителями интересов движения в целом...»; что «... в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения»¹. Эту характеристику в еще большей мере можно отнести и к победившему рабочему классу, так как речь идет о конструктивном формировании всей совокупности общественных отношений, внутренняя структура которых становится все более дифференцированной и сложной.

Осознанность или стихийность?

Вторая фундаментальная проблема, неразрывно связанная с первой, касается способа реализации объективных законов общественного и экономического раз-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 4, с. 437.

вития. Одно из важнейших политических положений марксизма-ленинизма, касающееся коммунистического способа производства, говорит о том, что решающее преимущество этого общественного строя состоит в осознанном характере, в планомерности общественного развития.

В. И. Ленин об этом говорил так: «Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку»¹. Одновременно В. И. Ленин подчеркивал, что активное участие трудящихся в разработке плановых заданий является примечательной чертой социалистического планового хозяйства. Замена частной собственности необходима именно для того, чтобы обеспечить соответствующий общественному характеру производства общественный способ присвоения, к которому принадлежит непосредственно общественное плановое управление и регулирование экономических процессов за счет общества и в интересах общества.

Выше уже отмечалось, что характер управления экономическими процессами в интересах собственника средств производства и в установленных этой собственностью границах является основным выражением самой сущности данной собственности. В условиях капитализма это означает рациональную организацию всех хозяйственных процессов в масштабах предприятия, концерна, нацеленную на получение максимально возможной прибыли. Социалистическая собственность означает рациональную организацию народнохозяйственного процесса воспроизводства (в условиях социалистической экономической интеграции в возрастающей степени в рамках социалистического содружества государств), направленную на максимальное удовлетворение потребностей всех членов общества. Сознательное формирование общественных процессов, планомерность являются, таким образом, всеобщей общественной формой производства. Это не просто результат, следствие установления общественной собственности, а существенный момент реализации этой собственности, ее экономического содержания, ее способа существования. И наоборот, ослабление, подрыв общегосударствен-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 41, с. 310—311.

ного планирования и управления повлияет на изменение как общественной надстройки, так и общественного базиса. Отрицание необходимости сознательной, планомерной организации совокупного процесса означает практически отрицание социализма вообще.

Современные ревизионисты, излагающие свои общественно-политические концепции преимущественно под девизом «план и рынок», в действительности занимаются вовсе не соотношениями между планом и рынком, а выступают против принципа планомерности, осознанного руководства экономикой вообще, что обосновывается различными «рыночными иллюзиями», с теоретической точки зрения не выдерживающими никакой критики.

И здесь речь идет не о проблеме наиболее эффективного использования социалистического принципа ведения хозяйства, а о взятии под сомнение основополагающего принципа социализма. Вопрос о том, характеризует ли социализм принцип осознанности совокупного общественного процесса или нет, является прежде всего вопросом не об «улучшении» социализма, а о его праве на существование вообще. Отрицание данного принципа означает, что предается полному забвению одна из важнейших причин, объясняющих историческую необходимость социализма.

Для всех полемических выступлений, направленных против социалистического планового хозяйства, издавна характерно противопоставлять планированию закон стоимости в качестве принципа регулирования. С этим приходится сталкиваться в самых различных формах. Так, например, говорится, что план устанавливает якобы «крупные» пропорции, а рынок управляет «детальями». Или: планирование предполагает формирование материально-вещественной, а закон стоимости — стоимостной стороны процесса воспроизводства. Или еще: план якобы устанавливает цели, а категории товарного производства создают стимулы для их достижения. Все эти воззрения, частично явившиеся «предвестниками» современных фальсифицированных ревизионистами взглядов на социалистическое планирование, в конечном счете сводятся к одному положению: план является субъективным, а потому (!) производным, менее важным и менее действенным инструментом ре-

гулирования, чем закон стоимости (ведь это же объективный закон!).

1. Планирование представляет важнейшую форму сознательного формирования общественных экономических отношений, сознательного использования действия при социализме всех объективных экономических законов, в том числе и закона стоимости. Планирование — это разработка программы согласованных действий на основе отражения в сознании людей будущих объективных процессов и явлений. По своей форме оно субъективно, по своему содержанию — объективно (это последнее отличает действительное планирование от различных нереалистических спекуляций, выдаваемых буржуазными идеологами за планирование). Естественно, субъективное предвидение не всегда совпадает с реальной действительностью, ошибки встречаются и в планировании. Использовать допущенные ошибки в качестве аргумента против планирования — примерно то же, что выступать против применения средств транспорта, привлекая в качестве аргумента дорожно-транспортные происшествия.

2. Социалистическое планирование осуществляется не только и не исключительно центральными органами. Планирование, представляющее сознательную постановку целей и осуществление хорошо продуманных мероприятий по их достижению, является глубоко расчлененной, многоступенчатой системой. В этом смысле единичный акт купли может быть для коммерческого отдела предприятия результатом плановой деятельности. Противопоставление планирования основных пропорций рыночному регулированию «деталей» бессмысленно и противоречит всей практике социалистического хозяйствования.

3. Планирование не является единичным, разовым актом, какой-то раз и навсегда застывшей программой. Это процесс соединения в единое целое долгосрочного, пятилетнего и годового планов, включающий также необходимость текущего учета вновь складывающейся ситуации. В кибернетическом смысле возникновение «помех», появление новых непредвиденных факторов воздействия, к примеру формирование новой обстановки на рынке, не просто отрицательное событие подобно тому, как и в жизни отдельного человека встречаются

не всегда отрицательные «сюрпризы». Ответственность предприятия как раз и означает, что проводится соответствующая «обработка» подобных «помех», чтобы процесс воспроизводства на отдельно взятом предприятии конкретной отрасли своевременно, планомерно приспособлялся бы к новой ситуации, не затрагивая при этом вышестоящие системы. И поэтому предприятие в известной степени является самостоятельной и стабильной в рамках определенной сферы системой. Если вследствие некоторых помех эта стабильность нарушается, вышестоящая система должна, разумеется, вмешаться и восстановить стабильность подсистемы. И в этом одно из важных преимуществ социализма. Подобное планирование по своей природе динамично. При этом совершенно ясно, что количество непредвиденных факторов тем меньше и они «обрабатываются» тем эффективнее, чем более обоснованными являются долгосрочные и другие относительно стабильные концепции планового управления на соответствующем уровне.

4. В. И. Ленин впервые научно обосновал необходимость и значение товарно-денежных отношений, хозяйства и материальной заинтересованности для наиболее полного использования преимуществ социализма. «Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма ... на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие... к социализму; иначе вы не подойдете к коммунизму...»¹. В другом месте он пишет: «Я думаю, что тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали за безубыточность своих предприятий»². Категории товарного производства играют существенную и в ряде аспектов решающую роль в системе планирования в целом, в равной мере на уровне центральных органов и отдельно взятых предприятий, как в ходе научного обоснования перспективных и текущих плановых целей и формирования условий их достижения, так и в процессе выполнения планов. Бессмысленно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 44, с. 151.

² Там же, т. 54, с. 150.

действие закона стоимости относить только к корректировке плановых заданий или только к хозрасчетным отношениям в рамках предприятия.

Категории стоимости действуют во всех сферах и на всех стадиях процесса социалистического воспроизводства. Так, при разработке плановой народнохозяйственной структурной политики нельзя односторонне исходить из складывающихся на данный момент отношений рентабельности. Во всех случаях необходимо строить ее на основе расчетов полезного эффекта, которые немыслимы без использования категорий стоимости и денег. Следовательно, без категорий товарного производства не могут обходиться ни централизованное государственное планирование, ни хозяйственная деятельность того или иного предприятия, направленная на удовлетворение существующего спроса и обеспечение условий увеличения доходов в длительной перспективе. Отсюда для установления необходимого соотношения между планированием и товарным производством вытекают следующие условия.

Во-первых, обе категории имеют непосредственное отношение к народнохозяйственному процессу воспроизводства в целом. Плановость — основной принцип общественной деятельности при социализме. Следует правильно понимать этот принцип и не смешивать его с конкретными планами, плановой документацией, что так охотно делают все те, кто клеветает на социалистический строй. Это различие имеет принципиальный характер. В основе любого конкретного действия, каждого планового документа лежит более или менее правильное предвидение. В отдельных случаях оно может оказаться неточным или даже неправильным. Плановмерность, плановость как основной принцип общественной деятельности при социализме является объективной необходимостью, объективным законом общественного развития, вытекающим из характера производительных сил и производственных отношений в социалистическом обществе. Поскольку нет ни одной сферы общественной жизни, которая может существовать и развиваться без участия в ней человека, без его деятельности, при социализме не может быть также такой сферы, о которой мы вправе сказать, что ей недоступно планирование. Разумеется, наивно предполагать, что

планирование хозяйственных и культурных процессов производится одинаково. Столь примитивные предположения существуют только в головах профессиональных опровергателей социалистического планирования и являются одновременно и их продуктом и их «средством труда». И при этом совершенно очевидной становится основная методологическая ошибка, связанная с постановкой вопроса: план или рынок? Рынок является конкретной фазой процесса воспроизводства, а именно фазой обращения. Назначение рынка при социализме состоит в том, чтобы создать условия, обеспечивающие полное осуществление сферой обращения своей функции в планомерном общественном процессе воспроизводства. Таким образом, речь идет об установлении эффективной связи всех фаз воспроизводства. Проблема состоит в том, чтобы установить правильные отношения между производством и рынком, а не между планом и рынком. В первом случае вопрос ставится реально, правильно, во втором — он надуман, искусствен. Именно в совершенствовании связей между производством и рынком социализм в последние годы достиг больших успехов. Сегодня любой руководитель предприятия знает, что последовательная ориентация деятельности предприятия на условия сбыта является необходимой предпосылкой обеспечения роста доходов в длительной перспективе. Импульсы, идущие от рынка, стали более интенсивными и настоятельными. Это только одно из проявлений интенсификации процесса воспроизводства в целом. Планирование как принцип общественной деятельности при социализме затрагивает все фазы процесса воспроизводства, в том числе и рынок. Активная стратегическая политика на рынке — важнейший элемент планирования социалистического хозяйствования.

Из всего сказанного выше можно сделать следующие выводы. Рынок при социализме не является единственным и первичным средством установления связей между товаропроизводителями. Разумеется, реальный обмен деятельностью между социалистическими предприятиями не может происходить без помощи товарно-денежных отношений, рынка. Однако неправильно отсюда делать заключение о том, что предприятия должны устанавливать связи только или в первую очередь через

рынок. Здесь упускается из виду главное: предприятия являются подсистемами по отношению к системе более высокого порядка, а именно народному хозяйству в целом, о рациональной организации которого в конечном счете идет речь. Связи между социалистическими товаропроизводителями реализуются в итоге именно через рынок. Ориентирование хозяйственной деятельности предприятий на сбыт крайне необходимо для выполнения задач, стоящих перед общественным производством, поскольку это важнейшая предпосылка удовлетворения общественных потребностей. И все же отношения между предприятиями определяются в первую очередь не рынком, а их местом в народнохозяйственном процессе воспроизводства, устанавливаемым в плановом порядке. При этом предприятия активно участвуют в определении этого места.

Особенность социалистического товарного производства, его специфическая противоречивость состоит в том, что овеществленный в товаре труд является и сознательно, в плановом порядке рассматривается как часть совокупного общественного труда, как непосредственно общественный труд, и в то же время это — частичный труд. Только реализация товара окончательно определяет, какая часть труда является общественно необходимой. То, что труд при социализме выступает одновременно и непосредственно общественным и частичным трудом, объясняется системой общественного присвоения, которое носит и общественный и коллективный характер. В процессе общественного присвоения постоянно разрешаются и возникают вновь противоречия между общественным характером труда и частичным трудом. Таким образом, и при социализме существует присущая товарной реализации «функция признания», а от фазы реализации, рынка поступает информация, имеющая важное значение для плановой организации экономического процесса. Эта информация подготавливается, обрабатывается и обобщается, как правило, до наступления фазы производства и тем более до наступления фазы реализации.

Сознательное, плановое установление предприятию соответствующего ему места в общественном процессе воспроизводства приводит к тому, что фактический ход процессов в хозяйственной сфере все более согласует-

ся с запланированным. Вносимые под влиянием рынка определенные коррективы в хозяйственную деятельность социалистических предприятий ни количественно, ни качественно не сравнимы с механизмом рыночной конкуренции при капитализме.

При социализме функция признания рынком не может иметь того исключительного значения, какое выпадает на ее долю в условиях рыночного регулирования, где рынок — единственное связующее звено между товаропроизводителями. Общественное признание, подтверждение обществом полезности затраченного труда отличается при социализме следующими двумя специфическими моментами. Во-первых, это происходит в непрерывном процессе, охватывающем прогнозирование, планирование, планомерную организацию всего воспроизводства, включающего как завершающую стадию и фазу реализации. В этом процессе структура затрат труда постоянно приближается к реальным общественным потребностям. Во-вторых, решающим критерием общественного признания затраченного труда в условиях социализма в конечном счете является удовлетворение общественных и индивидуальных потребностей, а не просто продажа товаров. Разумеется, это удовлетворение достигается путем реализации товаров, чем собственно определяется и значение фазы обращения. Но реализация товаров должна постоянно — в перспективе и ретроспективно — сверяться с реальными общественными потребностями. Могут, например, иметься «произведения искусства», которые с коммерческой точки зрения весьма доходны, но общество не признает овеществленные в них затраты труда. Ясно, что эту проблему не в состоянии решить рыночные силы, обращение. Социализму чуждо искажение во имя прибыльного сбыта товаров реальных потребностей людей, манипулирование их сознанием с помощью широкой, дорогостоящей и носящей паразитический характер рекламы, как это происходит при капитализме. В условиях социалистического строя нет общественных отношений, которые бы вели к антагонистическому обособлению стоимости от потребительной стоимости, рынка от производства, производства от поставленной перед ним социалистической цели — удовлетворения потребностей трудящихся.

Кооперация или конкуренция?

Третий основной вопрос, по которому идет спор с «концепцией рыночного социализма», — вопрос о типе общественных отношений людей при социализме, об источнике движения социалистической хозяйственной системы, его характере и локализациях.

Суть спора заключается в следующем: должен ли социализм получать свои импульсы преимущественно из соперничества, взаимного противоборства или речь идет о различиях такого рода, что можно говорить о борьбе противоположных общественных концепций?

В первом случае — в «рыночнохозяйственной системе» действует принцип экономической изолированности, автономии предприятий, противоречащий централизованному плановому управлению хозяйственными процессами, в котором воплощается совокупная воля и сознание общества. В своей основе этот тип регулирования покоится на представлении классической буржуазной политэкономии (давностью более 150 лет) о том, что механизм конкуренции в состоянии отфильтровать из многообразных, направленных на собственную выгоду, перекрещивающихся, борющихся друг против друга интересов и действий совокупный результат, который якобы является наилучшим для хозяйства и в конечном счете для потребителей.

Во втором случае в качестве решающего двигателя экономического и общественного прогресса рассматривается постоянное поддержание коренной идентичности интересов в отношениях между предприятием и обществом, кооперация хозяйственных единиц, что, естественно, требует координации, централизованного планового управления основными процессами хозяйственного и общественного развития.

По вопросу конкуренция или кооперация в марксистско-ленинской теории не было прежде каких-либо разногласий. Этот вопрос еще в 1844 г. был ясно и недвусмысленно разъяснен Ф. Энгельсом. Он говорил, что новое общество «уничтожит конкуренцию и поставит на ее место ассоциацию»¹. А в «Диалектике природы» Ф. Энгельс писал: «Дарвин не подозревал, какую горь-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 4, с. 330.

кую сатиру он написал на людей... когда он доказал, что свободная конкуренция, борьба за существование, прославляемая экономистами как величайшее историческое достижение, является нормальным состоянием *мира животных*. Лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением может поднять людей над прочими животными в общественном отношении точно так же, как их в специфически биологическом отношении подняло производство вообще. Историческое развитие делает такую организацию с каждым днем все более необходимой и с каждым днем все более возможной»¹.

Ф. Энгельс здесь отмечает связь между принципом регулирования хозяйства (планирование или механизм рыночной конкуренции) и основным типом общественных отношений (подлинно человеческие отношения, кооперация или конкуренция, ожесточенная борьба за существование).

И вот все снова и снова приводятся аргументы, которые будто бы доказывают необходимость хозяйства рыночного типа при социализме. Якобы из природы товарного производства само собой вытекает противоположность экономических интересов как решающая движущая сила всякого прогресса и, следовательно, только та система может беспрепятственно реализовать прогресс, которая позволяет вычлениить эти интересы. Всякое игнорирование или вуалирование подобного порядка вещей будет-де только тормозить, замедлять экономический рост. Даются в духе теории конвергенции рассуждения о покупателе и продавце, чьи интересы совершенно естественно противостоят. Первый желает всегда дешево покупать, а второй — дорого продавать. И эта теория якобы может быть даже подкреплена цитатами из К. Маркса, которые, однако, относятся, но это уже старательно обходится, к капиталистическому товарному производству.

Использование товарно-денежных отношений для экономического развития социализма имеет, несомненно, огромное значение. Мы видели, что необходимость товарного производства при социализме вытекает из су-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. изд. 2-е, т. 20, с. 359.

ществования относительно самостоятельных материальных интересов всего общества, производственных коллективов (предприятий) и индивидов, из характера связи между этими интересами. Совершенно ясно, что осуществление принципа «то, что полезно обществу, должно быть выгодно предприятию» требует общественной оценки и измерения достижений предприятия общественной мерой. Но это означает не что иное, как сведение фактических затрат предприятий к общественно необходимым затратам, осуществление принципа эквивалентности в экономических отношениях между предприятиями.

Из этого принципа социалистического товарного производства вытекает также и его особый характер в отличие от капиталистического производства и его особые функции в процессе социалистического воспроизводства.

Антагонистические противоречия между капиталистическими частными собственниками происходят не оттого, что они являются товаропроизводителями, а оттого, что средства производства находятся в частной собственности, являются капиталом. К. Маркс всегда очень четко различал, в какой связи деньги в одном и том же акте кругооборота выполняют собственно денежную функцию и в какой связи функцию капитала. Он начал анализ капиталистического товарного производства с анализа товара, потому что «богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров»¹, но он не делал обратного вывода, что каждый товар есть капитал. К. Маркс, например, совершенно четко отличал характер простого товарного производства, который выражается кругооборотом товар — деньги — товар, от общей формулы капитала деньги — товар — деньги. Поэтому невозможно вывести такие существенные черты, связанные с частной собственностью на средства производства, с капиталом, как, например, конкуренция, просто из товарного производства.

Капиталистические производители товаров отделены друг от друга капиталистической собственностью.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 23, с. 43.

Между ними, естественно, существуют антагонистические противоречия интересов. При капитализме нет реально оформленного экономического интереса всего общества, а общий экономический интерес класса капиталистов, который существует только в их борьбе против рабочего класса, не может устранить антагонизмов между капиталистами. В этих условиях не может быть никакой иной экономической связи между капиталистами и никакого другого регулирующего хозяйственного механизма, кроме рынка. В этом специфичность действия закона стоимости при капитализме.

Иначе обстоит дело при социализме. Как мы видели, здесь тоже существуют относительно самостоятельные интересы предприятий, как раз это является непосредственной причиной товарного производства.

Из характера противоречивости всей данной системы присвоения вытекает и соответствующий характер противоречивости присущих этой системе товарных отношений. Это общее положение относится и к социализму. Поэтому, чтобы уяснить особый характер социалистического товарного производства, необходимо проанализировать совокупную систему социалистического присвоения. Необходимо далее учитывать, что интересы социалистического предприятия есть частичные интересы, а само оно — относительно самостоятельная частичная система народного хозяйства. Социалистическое присвоение имеет одновременно общественный, коллективный и индивидуальный характер, причем первое является всеохватывающим, определяющим моментом всей системы присвоения. Именно этим объясняется то, что товарные отношения при социализме реализуют отношения не вражды и конкуренции, а отношения социалистической кооперации и соревнования.

Экономическая функция социалистического товарного производства состоит как раз в гармонизации интересов общества, предприятий и индивидов и вместе с тем отношений между предприятиями с ориентацией на достижение максимальной эффективности народного хозяйства в целом. Эту функцию товарные отношения могут выполнить потому, что в них планомерно заложены конкретные требования и интересы общества и находящиеся в их русле интересы предприятий, а также предпосылки их удовлетворения. Все эти ин-

тересы соединяются под углом зрения достижения высшей рационализации всего народного хозяйства. С учетом этого объективные категории товарного производства (цена, прибыль, процент и др.) играют большую роль в планировании и сами являются предметом планового управления как на уровне народного хозяйства, так и на уровне предприятий.

То, какой тип общественных отношений реализуется через товарно-денежные отношения, во многом зависит и от применяемого принципа регулирования народного хозяйства. Представление, что в современных условиях высокой концентрации производства принцип эквивалентности, даже если допустить постоянные отклонения цен от стоимости, возможно якобы провести только с помощью механизма конкуренции, наивно. Прибыль, получаемая в условиях конкуренции, ни в коем случае не идентична рациональному общественному критерию экономических достижений в интересах общества. Все красивые фразы об «обществе производителей», которые говорят в связи с рыночным регулированием, не что иное, как буржуазный обман.

Анализ механизма действия закона стоимости при капитализме позволяет видеть, что как раз здесь особенно велики отклонения цен от стоимости, нарушения принципа эквивалентности весьма значительны и являются правилом. К. Маркс в одном из писем к Ф. Энгельсу указывал: «... как мало значит „непосредственное“ определение стоимости в буржуазном обществе. Действительно, *никакая форма общества* не может помешать тому, чтобы рабочее время, имеющееся в распоряжении общества, тем или иным путем регулировало производство. Но пока это регулирование осуществляется не путем прямого сознательного контроля общества над своим рабочим временем — что возможно лишь при общественной собственности, — а благодаря движению товарных цен, до тех пор остается в силе то, что ты совершенно правильно сказал еще в «Deutsch — Französischer Jahrbücher»¹.

К. Маркс ссылается здесь на работу Ф. Энгельса 1844 г. «Очерки критики политической экономии», в которой Ф. Энгельс развенчивает положения буржуаз-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 32, с. 9.

ной политэкономии о якобы справедливом и гуманном содержании товарного обмена при капитализме:

«... первым правилом в торговле является умалчивание, утаивание всего того, что могло бы понизить цену данного товара. Отсюда вывод: в торговле дозвоительно извлекать возможно бóльшую пользу из неосведомленности, доверчивости противной стороны и равным образом дозвоительно приписывать своему товару такие качества, которыми он не обладает. Словом, торговля есть узаконенный обман»¹.

Размеры этого обмана теперь несравнимо больше, его методы и утонченнее и грубее. Например, промышленный шпионаж тогда был еще почти неизвестен и малозначителен. Рассуждения перед лицом этого об осуществлении при капитализме «принципа производительности», «принципа прилежания» с помощью товарно-денежных отношений, конечно, чистейшая насмешка. Напротив, в социалистических условиях товарно-денежные отношения служат реализации принципа производительности в обмене деятельностью между коллективами предприятий. Определение стоимости здесь, несомненно, имеет более непосредственное значение, чем при капитализме: «... по уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было»².

Объективным требованиям закона стоимости более соответствует последовательно планомерное, осознанное его использование, когда он освобожден от бремени стихийного регулирования производства. Нарушения закона стоимости особенно велики и продолжительны в условиях монополистического капитализма. Очевидно, что хозяйственно-организаторская функция социалистического государства, включающая определение общественной цели, сознательное соединение интересов предприятия и общества и общественную оценку

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 1, с. 548—549.

² Там же, т. 25, ч. II, с. 421.

результатов деятельности предприятия в соответствии с рациональными, ориентированными на народнохозяйственную эффективность критериями, является обязательной предпосылкой того, чтобы механизм действия закона стоимости служил реализации принципа производительности деятельности социалистических товаропроизводителей, предприятий в рамках социалистического хозяйства в целом.

Там, где условием растущего удовлетворения материальных потребностей предприятия является экономический прогресс, действительно народнохозяйственная эффективность, там отпадает стимул взаимного обмана как средства реализации этого интереса. При таких обстоятельствах предприятия заинтересованы в планомерной кооперации, охватывающей все стороны производственной деятельности и вполне определенно направленной на экономический прогресс, на правильное сочетание всех интересов. Если со стороны общества обеспечивается четкая оценка народнохозяйственной эффективности работы предприятия и определены экономически обоснованные критерии распределения эффекта между производителем и потребителем (например, посредством ценообразования), то интерес каждого предприятия будет направлен в сторону повышения народнохозяйственной эффективности, а не на то, чтобы захватить себе побольше из совокупного эффекта, т. е. из прибыли.

Здесь мы сталкиваемся с генеральной проблемой. Везде, где существуют антагонистические противоречия интересов, они нацеливают на борьбу за повышение доли при распределении национального дохода, прибыли и т. д. Причем эта борьба тормозит развитие производства. Например, так обстоит дело с противоречием между буржуазией и пролетариатом при капитализме. Пролетариат должен иметь свою концепцию, скажем, по вопросу об автоматизации, техническом прогрессе. Он не может ограничиваться только пассивными выступлениями против социальных последствий капиталистической автоматизации. Однако действительно конструктивной эта концепция может быть только при условии устранения монополий и капиталистической эксплуатации вообще. Но пока сохраняется господство монополий, у рабочего класса нет своего кон-

структивного первичного интереса к техническому прогрессу. Есть только интерес получить по возможности большую зарплату и обеспечить возможно более благоприятные условия труда и жизни. При необходимости рабочий класс вынужден прибегать к забастовке как средству борьбы, которое, разумеется, не способствует экономическому росту, а снижает его, но для защиты экономических интересов рабочего класса имеет большее значение, чем рост экономики в целом.

Конечно, конкуренция является сильным стимулятором технического прогресса, но там, где технический прогресс выступает прежде всего как средство конкуренции, он протекает неизбежно противоречиво, сопровождается противодействующими, тормозящими тенденциями. Конкуренция, эта борьба за долю, всегда связана с такими не имеющими ничего общего с хозяйственной рационализацией явлениями, как спекуляция, уничтожение товаров (примеры чего систематически демонстрирует ЕЭС), безработица. В конкуренции, этом двигателе капиталистического развития, соединяется антигуманная суть с недостаточной хозяйственной рациональностью.

Выступая против буржуазной клеветы о том, что социализм, поскольку он упраздняет конкуренцию, тем самым будто бы устраняет и соревнование, являющееся ускорителем всякого прогресса, В. И. Ленин писал: «Буржуазные экономисты смешивали, как и всегда, вопрос об особенностях капиталистического общества с вопросом об иной форме организации соревнования. Нападки социалистов никогда не направлялись на соревнование как таковое, а только на конкуренцию. ... именно, уничтожение ... капитализма откроет дорогу возможности организовать соревнование в его не зверских, а в человеческих формах. Именно в настоящее время в России при тех основах политической власти, которые созданы Советской республикой, организация соревнования на социалистических началах должна представить собою одну из наиболее важных и наиболее благодарных задач реорганизации общества»¹.

В основе представлений сторонников рыночного хозяйства и представлений научного социализма о прин-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 36, с. 150—151.

ципе регулирования социалистического хозяйства лежат в корне разные подходы к методам реализации преимуществ социализма и к тому, в чем состоят эти преимущества и движущие силы социализма. Мы исходим из того, что социализм располагает коренным образом отличными от капиталистических движущими силами, которые обусловлены социалистической общественной собственностью. Поэтому экономический рост при социализме основан на таких факторах, которые принципиально недоступны капитализму. Под давлением объективного процесса растущего обобществления производства современный капитализм пытается в какой-то мере также использовать эти факторы, например элементы общехозяйственного планирования. Но это неизбежно оказывается «лоскутным», эклектическим изделием, незавершенным и противоречивым. Это частичное заимствование, частичное копирование социалистических хозяйственных методов лишь дополнительно подтверждает пережиточный характер капиталистического строя.

Дилемма современного капитализма состоит в следующем. С внутренне присущим капиталистическому способу производства принципом регулирования — конкуренционным рыночным механизмом — он проигрывает. А соответствующий современным производительным силам принцип регулирования — планирование общественного и хозяйственного развития — он может применить лишь очень ограниченно, так как это несовместимо с капиталистической частной собственностью. И никакая мешанина из планирования и конкуренции не в состоянии снять экономическую неустойчивость капитализма, устранить его внутренние противоречия.

«Рыночнохозяйственная концепция» социализма исходит из ложного положения, что при социализме действуют те же движущие силы, что и при капитализме, — конкуренция, противоборство. Однако не может вызывать сомнения то, что основополагающим принципом социализма является не взаимное противоборство, (которого никогда не было и не будет), а сотрудничество.

Мы не должны также упускать из виду того, что те специфические для капитализма факторы, которые стимулируют его экономический рост, для социализма,

напротив, не приемлемы или должны быть не приемлемыми. Бесспорно, например, что интенсивность труда в капиталистических странах чрезмерна и превышает допустимый в условиях социализма нормальный уровень. Безработица и еще более страх перед ней, которыми капиталисты сознательно манипулируют, относятся к инструментарию экономической политики капиталистического государства, используемому для форсирования экономического роста. Необходимо показывать антигуманный характер капиталистического экономического процесса. Но вряд ли правилен такой взгляд, что вследствие более низкой интенсивности труда при социализме и высоких затрат на улучшение условий труда и жизни должен «теряться» прирост материального продукта. Такой подход к вопросу означал бы явную недооценку эффективности экономического роста и его факторов. Более высокий прирост материального продукта означает прежде всего повышенную способность к накоплению, увеличивающуюся возможность интенсивного расширенного воспроизводства, научно-технического прогресса, т. е. содержит эффект мультипликации, что имеет огромное значение для экономического соревнования с капитализмом. Конечно, социальные эффекты требуют затрат труда. Они являются существенным элементом реализации цели социалистического производства. Они же действуют и как факторы трудовой творческой активности, факторы производительности труда.

Правильный вывод здесь следующий: необходимо лучше, полнее использовать специфические преимущества социализма, чтобы достигнуть более высокого экономического роста, чем капитализм (перекрывая при этом тот прирост, который капитализм обеспечивает за счет более высокой интенсивности труда), и одновременно улучшать условия труда и жизни.

Система «рыночного социализма» не может решить обе эти задачи, поскольку она не ориентируется на использование специфически социалистических преимуществ и движущих сил. К рыночному механизму, к реализации принципа конкуренции как движущей силы экономического роста принадлежит и «рынок труда», расхождение между предложением и спросом на живой труд, связанная с этим безработица. Фактически

мы встречаем у отдельных «теоретиков рыночного социализма» рассуждения об «оптимальной безработице при социализме». Здесь наглядно обнаруживается копирование капиталистической регулирующей системы. Постановка вопроса о «наиболее благоприятном размере безработицы» является принципиально несоциалистической. И откуда в этом случае может появиться экономическое превосходство социализма над капитализмом? Должно ли оно выражаться в том, что безработицей будут лучше манипулировать, держать ее на уровне на 1—2 пункта ниже или смягчать ее социальные воздействия? А не будет ли, если на минуту стать на позицию конкуренции, всякое «смягчение» ослаблять предполагаемый «эффект»?

Совершенно очевидно, что действие принципа конкуренции создает и соответствующее ему противоречие между хозяйственной рациональностью и «гуманностью» экономического процесса. «Рыночный социализм» здесь будет отличаться от капитализма, может быть, только тем, что он покажет несколько больше процентов «гуманности» и соответственно несколько меньше процентов эффективности. В целом же достигается существенно сходное, хотя и не столь большое, как при капитализме, отчуждение человека от продукта его труда, от других людей, от самого себя.

Наше представление о социализме иное. Теперь, как и прежде, мы исходим из того, что социализм может и должен органически соединить более высокую хозяйственную рациональность с последовательным гуманизмом во всех областях жизни. При социализме между этими двумя факторами нет никакого внутреннего противоречия, потому что хозяйственная рациональность находит свое мерило в том, насколько она служит человеку, расцвету его личности, удовлетворению его материальных и духовных потребностей. Именно вследствие этого при социализме рушатся все преграды, которые при капитализме противостоят постоянному повышению эффективности общественного труда и которые «рыночный социализм» может снять разве лишь частично.

Социалистический гуманизм, социалистическая демократия, социалистическая идеология эффективны в высшей степени и экономически. Последовательный,

неуклонно проводимый также и в системе хозяйственного регулирования, разумеется, учитывающий всякий раз специфические условия социалистический гуманизм выступает решающим условием высокого и стабильного экономического роста.

Итак, образ «рыночнохозяйственного социалистического общества» очерчивается относительно медленным экономическим ростом, связанным со структурными кризисами, безработицей для части трудящихся и постоянной опасностью безработицы для каждого отдельного трудящегося, а также типом производителя, заботящегося только о себе самом, в лучшем случае об интересах своего предприятия. Социалистического соревнования, трудовых мотивов, направленных на укрепление всего общества, он не знает. Слабо развитые идеальные стимулы к труду «компенсируются» сильно выраженными материальными интересами, постоянно подогреваемыми неумеренной рекламой, которая систематически эксплуатирует «маленькие человеческие слабости».

Эта система, хотя она и покоится на общественной собственности, обнаруживает однако многие сходства с капитализмом. Может быть, нет такой большой безработицы, как при капитализме, но и не столь высоки темпы технического прогресса. Эксплуататорские классы с их паразитическим потреблением отсутствуют, но уровень жизни трудящихся растет относительно медленно. Спекуляции, индивидуальное обогащение за счет общества неизбежны, стоимостные категории выступают в качестве цели производства. Наблюдается «самоуправление» предприятий со стороны производителей, но связанное с крахами, разорением предприятий, постоянной социальной неустойчивостью, бессилием против стихийного действия законов во всех областях общественной жизни.

Политическая концепция О. Шика и других, ему подобных, подстать экономической. Отражение заимствованной у капитализма хозяйственной системы в области политики мы видим в требовании многопартийной системы буржуазного пошиба. Лежащий в основе конкуренции принцип взаимного противоборства находит свое логическое дополнение в существовании оппозиционных партий, в борьбе между ними.

Демагогическое требование «реприватизации» социалистических предприятий сопровождается в политике и идеологии требованием «свободы мнений» и «свободы прессы» в смысле беспрепятственного распространения буржуазных, антисоциалистических идей. Экономическая атомизация общества, в особенности рабочего класса, отражается в идеологии и искусстве в образе человека одинокого, забытого, являющегося игрушкой чуждых, враждебных и непонятных сил, т. е. в образе, сильно напоминающем мелкого буржуа в условиях капитализма. Этот, нарисованный, например, Ф. Кафка образ человека ставит под сомнение целесообразность социалистической революции, ведь запуганный мелкий буржуа живет при капитализме, так же как тупой, самодовольный обыватель, достойный жалости.

Опыт подтверждает то, что теоретически уже и без него было бесспорным: теперь, в XX столетии, есть только одна альтернатива: капитализм или социализм. Нет никакой общественной системы в смысле способа производства, которая бы была между социализмом и капитализмом. Конечно, в историческом процессе возможны переходные ступени, например антимонополистическая демократия, которая уже не является капитализмом, но еще и не социализм. Но такие общественные условия неустойчивы, они имеют переходный характер, так как здесь остается нерешенным основной экономический и политический вопрос нашего времени. Однако он требует решения. Общественная собственность на средства производства и рыночное регулирование не могут сосуществовать в течение длительного периода. И если действительно ставится общественная цель — построение социализма и коммунизма, то ошибочность «рыночнохозяйственного эксперимента» неизбежна. Он должен быть отвергнут.

Устранение руководящей роли партии рабочего класса, осознанного руководства общественным процессом, централизованного государственного планирования, замена кооперации конкуренцией — это вовсе не путь к какому-то другому и уж тем более к лучшему социализму. Это скорее шаги от социализма к капитализму. Не существует никакой социалистической альтернативы марксистско-ленинской модели социализма.

Глава 4

Превосходство социалистического планового хозяйства подтверждается всей практикой социалистического строительства

Общественная собственность на средства производства и политическая власть в руках рабочего класса — основа всех преимуществ социализма

Цели и движущие силы производства определяются не конкретным хозяйственно-управленческим механизмом, а господствующими производственными отношениями — отношениями собственности, которым соответствует определенное политическое устройство общества. Хозяйственно-управленческий механизм — это механизм, с помощью которого реализуются цели и движущие силы производства. Сущность этого механизма, стало быть, можно объяснить лишь исходя из отношений собственности. Это означает также, что введение чуждых отношениям социалистической собственности хозяйственно-управленческих механизмов, например пересадка рыночного хозяйственного регулирования в экономику социализма, мешает, препятствует реализации отношений общественной собственности, подрывает их господство.

Социалистическая собственность и соответствующая ей власть рабочего класса, осуществляемая в союзе со всеми другими трудящимися классами и слоями, — коренные основы всех сущностных свойств социализма, его

целей и движущих сил, его хозяйственного механизма. Все преимущества социалистического строя имеют здесь и только здесь свой исходный пункт. Сформулированное К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии» положение, что вопрос собственности является основным вопросом рабочего движения, применимо и теперь, в том числе и для победившего рабочего класса. Глубокое понимание существа общественной собственности является важнейшей предпосылкой уяснения и интересующей нас проблемы, т. е. ответа на вопрос: почему социалистическое плановое хозяйство превосходит рыночное? Остановимся поэтому несколько подробнее на марксистско-ленинском понимании собственности.

К. Маркс писал: «Всякое производство есть присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством нее. В этом смысле будет тафтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства... Присвоение, которое ничего не присваивает, есть *contradictio in subjecto* (противоречие в самом себе)»¹.

К. Маркс понятие «собственность» поясняет словом «присвоение». Это «присвоение природы со стороны индивида» с прогрессом производства все более опосредуется присвоением средств и условий труда в процессе живого труда.

Производство, таким образом, представляет диалектически развивающийся процесс присвоения прошлого труда и овеществления живого. Производительная сила живого труда определяется в растущей мере его количественной и качественной оснащенностью — овеществленным трудом. Специфически общественный характер того или иного способа присвоения находит концентрированное выражение в собственности определенного класса на овеществленный труд, на средства производства. И если эти средства производства — капитал, собственность класса капиталистов, то капиталистам принадлежит не только продукт. Весь процесс присвоения по сути есть производство капитала в нарастающей последовательности: капиталистическая собственность на средства производства, созданная за счет

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 12, с. 713.

присвоения живого труда в предыдущих производственных периодах, становится основой нынешнего присвоения огромного количества живого труда, а это — вновь источником накопления капитала. Производительная сила живого труда выступает как производительная сила капитала. Овеществление живого труда представляет одновременно отчуждение продукта от производителя. Он производит капитал, эту чуждую, враждебную ему, господствующую над ним силу. Господство мертвого труда над живым, капитала над трудом, буржуазии над пролетариатом — в этом суть капиталистического способа производства.

Из понимания собственности как процесса присвоения вытекают два аспекта определения существа социалистической собственности:

Во-первых, и социалистическая собственность должна пониматься как процесс присвоения. Она не может быть сведена к распоряжению средствами производства и рассматриваться соответственно в качестве некой изолированной, статической в конечном счете юридической категории, значение которой хотя и немало важно, но которая поистине бедна по содержанию. Сущность капиталистической собственности состоит не в том, что средства производства «принадлежат» капиталистам, а скорее в том, что капиталисты присваивают создаваемую рабочими прибавочную стоимость, прибыль. Суть капиталистической собственности — в эксплуатации рабочего класса, в распоряжении процессом живого труда, в присвоении его результатов. Итак, капиталистическая собственность выражает основное отношение этого общественного строя.

К. Маркс отвергал всякое статическое восприятие собственности. Он критиковал Прудона за то, что тот представлял собственность как самостоятельное отношение, и подчеркивал, что совокупность общественных отношений образует то, что теперь называют **собственностью**; «вне этих отношений буржуазная собственность есть не что иное как метафизическая и юридическая иллюзия»¹.

Социалистическая собственность в широком смысле есть, таким образом, процесс социалистического при-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 27, с. 406.

своения, социалистического производства, распределения и обращения материального продукта. Сюда относится общественное распоряжение воспроизводственным процессом в широком смысле, вся система планирования и управления хозяйством, активное участие трудящихся в этом процессе. Основным содержанием этого процесса является удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей, всестороннее раскрытие их способностей, развитие их личности. Социалистическая собственность есть неразрывное единство повышения эффективности труда, развития социалистической демократии, улучшения всей совокупности жизненных условий людей, развития самого человека.

Во-вторых, социалистическая собственность должна пониматься как определенная система присвоения. Социалистическая собственность есть диалектическое единство общенародного присвоения, присвоения производственными коллективами и индивидуального присвоения трудящимися. С этим неразрывно связаны соответствующие, вполне определенные материальные интересы общества, производственных коллективов и индивидов. Эта система социалистического присвоения характеризуется, в частности, следующими моментами.

1. Соотношение общенародного, коллективного и индивидуального присвоения, если рассматривать его в философском плане, есть соотношение между общим, особенным и отдельным, между целым и его частями. Предприятие не автономная изолированная единица, а народнохозяйственная частичная система. Соотношение между общественными, коллективными и индивидуальными интересами не сравнимо также с соотношением интересов различных социальных групп в том смысле, что одна группа есть будто бы носитель общенародных интересов, другая — индивидуальных, как это постоянно изображает буржуазная пропаганда. Здесь идет речь, скорее, о различных ступенях агрегации одних и тех же интересов правящего рабочего класса.

Интерес трудящихся содержится, органически входит в интерес предприятия, в интерес общества. И социалистическое общество не может иметь какой-либо другой цели, кроме как свободное всестороннее разви-

тие индивида, социалистической личности, удовлетворение материальных и духовных потребностей людей. Это значит, что коренные интересы общества, коллективов и трудящихся идентичны.

Экономические отношения между обществом, предприятием и индивидом, между общественными, коллективными и индивидуальными интересами являются не чем иным, как внутренней структурой общественного присвоения.

Существенно здесь следующее: процесс и система общественного присвоения требуют «ассоциированного сознания» (К. Маркс), общенародной воли. В этом заключаются коренные предпосылки рациональности совокупного процесса, непрерывного поступательного движения вперед социалистического общества. Эти общенародные сознание и воля могут быть проведены в жизнь только реальной политической властью того класса, коренные интересы которого совпадают с интересами общественного прогресса, класса, теснейшим образом связанного с современным крупным производством, того, чьим классовым интересом является в конце концов устранение классов вообще. Причем эта цель достигается постепенным формированием всех классов и слоев по социальному образу рабочего класса, который на основании объективных условий своего существования в состоянии соединить общие и частичные, перспективные и текущие, интернациональные и национальные интересы социалистического общества и классовый интерес которого включает подлинно научное руководство общественным развитием.

Рабочий класс может выполнить свою историческую миссию только под руководством марксистско-ленинской партии. Враги рабочего класса направляют свои атаки прежде всего именно против руководящей роли партии, отлично понимая, что это самое важное для рабочего класса, для победного наступления социализма.

Дальнейшее неуклонное укрепление и постоянное возрастание руководящей роли марксистско-ленинской рабочей партии — основополагающая закономерность социализма. Реализация этой закономерности зависит от зрелости, опыта, внутренней силы и решимости самой партии. Поскольку при социализме

происходит сознательное формирование всех общественных процессов в интересах рабочего класса, всех трудящихся, то естественно, что с повышением зрелости социализма, увеличением сложности, дифференцированности и комплексности общественных связей должна закономерно расти роль партии как высшего носителя общественного сознания. Ведь это партия рабочего класса, развивающая марксистско-ленинскую теорию, применяющая ее в конкретных общественных условиях, определяющая основные задачи общественного развития и пути их решения, руководит социалистическим государством, являющимся главным инструментом рабочего класса в социалистическом строительстве, профсоюзами и другими общественными организациями, развитием всех областей общественной жизни. Единство воли и действий рабочего класса, трудящихся во многом обеспечивается работой партийных организаций, всех коммунистов. Руководящая роль рабочего класса и его партии, функции социалистического государства — это не внешнее политическое дополнение к социалистической собственности, а внутренние необходимые условия общественного присвоения, воспроизводственного процесса в его цельности, присвоения посредством всего общества и в его интересах.

Буржуазные идеологи направляют свой главный удар не непосредственно против социалистической собственности, а против политической системы социализма. Последнее они делают прямо и открыто, но и здесь в виде рекомендаций, как можно было бы якобы лучше, рациональнее вести социалистическое хозяйство. Во всех случаях они выступают против руководящей роли рабочего класса и его партии, против централизованного государственного планирования и управления. Они знают, что ликвидация руководящей роли рабочего класса, централизованного государственного планового управления поведет не только к изменениям в надстройке, но в конечном счете — к разрушению основ социалистического общества, в том числе и общественной собственности. Но, к их несчастью, марксистско-ленинские партии владеют знанием закономерных взаимосвязей производительных сил, производственных отношений и надстройки не только теоретически, но и практически политически лучше, чем буржуазия.

2. Конкретные общественные, коллективные и индивидуальные интересы не только и не непосредственно идентичны, но и одновременно относительно самостоятельны, относительно обособлены. Существует противоречие интересов типа неантагонистического противоречия между частями и целым.

Ясно прежде всего, что интересы, касающиеся заработка, неодинаковы. Каждый трудящийся заинтересован в увеличении своего заработка. Для коллектива предприятия зарплата выступает составной частью издержек. Его интерес уже состоит в том, чтобы уменьшить затраты на зарплату в расчете на единицу продукта и увеличить прибыль предприятия. Рабочий класс в целом не заинтересован в односторонней максимизации как заработков, так и прибавочного продукта. Его интерес, скорее, направлен на максимизацию роста национального дохода для накопления и потребления, с тем чтобы оптимально соединить текущие и перспективные интересы всего общества.

Относительное обособление материальных интересов предприятия является причиной товарного производства при социализме. Под его воздействием обмен деятельностью между производственно-хозяйственными звеньями происходит в соответствии с принципом эквивалентности как обмен одинаковых величин общественного труда. Это включает общественную оценку труда, сведение труда, эффективно затраченного различными предприятиями, к общественно необходимому.

3. Увязка общенародных, коллективных и индивидуальных интересов происходит по принципу: предприятию должно быть выгодно лишь то, что полезно народному хозяйству, обществу и невыгодно то, что наносит обществу ущерб. Значит, интересы соединяются таким способом, чтобы удовлетворение материальных потребностей предприятий, трудящихся было возможно только в той мере, в какой повышается народнохозяйственная эффективность труда. В процессе поступательного развития экономики различия интересов постепенно сменяются их тождеством. Если увеличение заработка оказывается возможным только путем повышения эффективности труда для предприятия и общества, то это становится сильным побудителем роста квалификации. И если этот рост происходит в интересах и отдельного

работника, и коллектива, и общества, то соответствующие индивидуальные, коллективные и общественные интересы идентифицируются. Но если при относительно малых усилиях можно заработать много денег или, напротив, если при повышении квалификации заработок не меняется, потому что работник используется не в соответствии с его квалификацией, то различие интересов переходит в конфликт, интересы к повышению производительности труда ослабевают. Из сказанного ясно, что гармонизация интересов — сложная задача, требующая постоянного внимания. Только на основе научно обоснованного планомерного формирования общественно-экономических отношений согласование общественных, коллективных и индивидуальных интересов становится стимулом прогрессивного развития социалистического народного хозяйства.

4. Народнохозяйственный оптимум недостижим на пути самооптимизации автономных частичных систем. Решающей является народнохозяйственная эффективность труда. Общество должно, исходя из потребностей и интересов народного хозяйства, в целом определять хозяйственным звеньям основные задачи и так формировать совокупность условий хозяйственной деятельности предприятий, комбинатов, чтобы опосредуемые этим их оптимальные варианты одновременно обеспечивали бы и высшую народнохозяйственную эффективность производства.

5. В пределах планомерно установленных обществом хозяйственных условий предприятия (объединения) регулируют свой воспроизводственный процесс самостоятельно. Это самостоятельное планирование и управление на основе централизованного государственного плана, самостоятельное хозяйствование для наилучшей реализации общенародных целей.

Совершенно ясно, что это диалектическое соотношение между общественными, коллективными и индивидуальными интересами не имеет ничего общего с изображаемой «теоретиками» «рыночного социализма» примитивной схемой некоего «центрально управляемого хозяйства», в котором все импульсы хозяйственной жизни исходят только из центра, а коллективы и индивиды являются лишь исполнителями причем чуждых им интересов.

Социалистическая собственность, политическая власть рабочего класса, всех трудящихся являются основами как подлинно гуманистического содержания хозяйственного процесса при социализме, так и его хозяйственной рациональности, превосходящей капиталистическую. В отдельных частных случаях могут, конечно, возникать альтернативы, скажем, между дальнейшим улучшением условий труда и повышением хозяйственной эффективности. Перед таким вопросом мы, к примеру, оказываемся обычно при введении новых механизированных поточных линий. Но в целом и в теплоты гуманизм и хозяйственная рациональность при социализме совпадают, во-первых, в своей основе, поскольку и хозяйственные эффекты идут на пользу только трудящимся (и их семьям, тем, кто уже не участвует в трудовом процессе); во-вторых, потому что в конкретных случаях все чаще те решения оказываются наиболее эффективными, которые непосредственно улучшают условия труда и жизни, и, наконец, в-третьих, потому что социалистическое общество располагает сильными компенсирующими факторами, благодаря которым пока еще имеющаяся монотонная трудовая деятельность постепенно преодолевается общим производительно-творческим поведением трудящихся (организованная смена рабочих мест, объединение обслуживающих и эксплуатационных функций, деятельность новаторов, участие в управлении и планировании и т. д.).

В целом для социализма, и прежде всего для развития, характерно усиливающееся единство, интенсивное взаимовлияние научно-технических, экономических, социальных, духовных процессов.

С возрастанием зрелости социалистического общества все более обнаруживается, что социалистическая демократия, прогрессивные изменения в труде (наполнение его духовным, творческим содержанием), улучшение условий труда и жизни в самом широком смысле являются не дополнительными к эффективности вопросами, вроде добавочных стимуляторов, а важнейшими составными элементами хозяйственной эффективности. Не «технические координирующие возможности» социалистического планирования являются причиной хозяйственного превосходства социализма, а новые

общественные цели, новые социальные движущие силы. Некоторые из этих моментов будут далее рассмотрены подробнее.

Социалистическое плановое хозяйство — хозяйство для блага человека

Вспомним аргументацию «теоретиков» рыночного хозяйства. По их мнению, цели развития экономики в рыночном хозяйстве определяются потребителями. А вот централизованно управляемое хозяйство — социализм — якобы чуждо потребительским интересам. Не при социализме, а как раз при капитализме потребности людей являются-де целью производства. Анализ общественных условий рабочего класса, проделанный например, в книге Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», относится якобы только к ранней стадии капитализма, уже давно оставленной позади. По их мнению, США представляют собой «общество благосостояния», они уже достигли такого этапа развития, который социалистическим странам еще только предстоит. Но для этого, по мнению указанных «теоретиков», им необходимо прежде всего ликвидировать плановое хозяйство и т. п. О том, что все это совершенно нежизненно, говорят следующие факты. Кстати, им не нашлось места в предлагаемой схеме рыночного хозяйства.

1. В большей части мира и теперь еще господствуют условия, которые по своей сути и по многим формам проявления не отличаются от тех, которые описаны Ф. Энгельсом в его вышеназванной книге. И эти условия не только капитализмом созданы. Он покорила многие из этих стран более столетия назад и несет поэтому безраздельную ответственность за указанное наследие, но и до сих пор капитализм стремится сохранять там эти условия.

Хотя механизм эксплуатации изменился, например теперь применяют государственную «помощь» развивающимся странам в качестве премии за частнокапиталистическую эксплуатацию их населения монополиями империалистических государств, но в целом империализм выкачивает, как и прежде, из этих стран во много раз больше того, что он в них инвестирует.

2. То, что рабочие в цитаделях капитализма сегодня имеют значительно более высокий материальный уровень жизни, чем 150 лет назад, вряд ли можно поставить в заслугу этой системе. Во-первых, и уровень производительных сил теперь несравненно выше, и, во-вторых, ведь всякое улучшение жизненных условий рабочий класс вынужден был отвоевывать в борьбе против этой системы, преодолевая ее противодействие. Но несомненным обвинением капитализму должно служить то, что он даже в таких своих цитаделях, как США, не смог устранить массового голода и нищеты (число голодающих в США в 1972 г., по официальным данным, составляло около 10 млн. человек).

3. Капитализм не только не освободился от своих традиционных недугов, но и порождает все новое зло. Растущая бессодержательность человеческих отношений, отстранение трудящихся от принятия всех основополагающих, глубоко влияющих на их жизнь решений, увеличивающаяся духовная пустота среди индустриализованного балагана развлечений, преступность и наркомания как массовые явления порождают чувство неустроенности, бессмысленности жизни.

4. В концепции рыночного хозяйства производитель является, как правило, не чем иным, как свободным предпринимателем — центральной фигурой рыночной конкуренции, объектом восхваляемых благотворных влияний «свободного рынка». Для широких народных масс эта концепция имеет в запасе проповедь о «свободном потребительском выборе», тезис о господстве потребителя.

Но трудящиеся являются вначале производителями этих благ и в качестве таковых эксплуатируются хозяевами. Кроме того, система рыночного хозяйства подвержена инфляции, которая автоматически и постоянно снижает существующий жизненный уровень. Это означает, что рабочий класс в капиталистических странах должен бороться и за простое поддержание уже достигнутой реальной зарплаты, добиваясь увеличения номинального ее прироста. Как только эта борьба ослабевает, неизбежно следует снижение реальной заработной платы.

5. Как же в действительности обстоит дело с хваленым суверенитетом потребителей?

Здесь прежде всего необходимо указать на то, что капиталистическое рыночное хозяйство не в состоянии использовать огромные возможности научно-технической революции в интересах человека. Речь идет не только о том, что паразитическая капиталистическая реклама ощутимо удорожает многие изделия (например, моющие средства на 30%), что по соображениям прибыли достижения научно-технического прогресса подчас десятилетиями не находят применения (например, стереофония около 20 лет), что моральный износ предметов потребления искусственно форсируется (американские автомобильные концерны израсходовали за 1949—1960 гг. на новые модели автомашиц, которые при этом не претерпели существенных технических изменений, гигантскую сумму — 560 млрд. долл.), что в конструкции промышленных товаров массового потребления намеренно вносятся недостатки, чтобы обеспечить будущий сбыт, и т. д. Еще важнее деформирование человеческих потребностей и этим самым поведения людей, превращение человека в раба вещей, растущая формализация, цинизм, огрубление человеческих отношений.

Особенно отталкивающе то, что производство и применение средств уничтожения человека являются при империализме доходнейшим «рынком». Паразитизм этой системы проявляется везде, в том числе и в сфере потребления.

На фоне достижений социализма пороки капиталистического строя все чаще признают даже люди из господствующих слоев, которые причину этого явления видят в общественной системе, базирующейся на капиталистической частной собственности. Появление и активное обсуждение буржуазными идеологами в последнее время термина «качество жизни» с учетом, что материальное благополучие не может быть единственным мерилом человеческого счастья, объясняется прежде всего тем, что именно социализм обеспечивает все более полное удовлетворение материальных и культурных потребностей людей, расцвет личности. Это значит, что социализм сегодня определяет мерку, по которой трудящиеся многих стран, даже несоциалистического мира, оценивают общественный строй.

Следует заметить, что предназначение социализма состоит не только в высоком росте производства и по-

вышающемся материальном уровне жизни. Конечно, растущее материальное благосостояние трудящихся относится к основной цели социализма, но не изолированно само по себе, не только потому, что оно является важным самостоятельным моментом жизненных условий человека, но и потому, что составляет материальную основу всестороннего развития человеческой личности, растущего богатства и многообразия ее духовных, культурных интересов, ее общественных отношений.

Правильными являются такие пути повышения материального благосостояния, которые в большей степени способствуют развитию социалистического образа жизни. Растущий материальный достаток без соответствующего повышения культурного уровня жизни может благоприятствовать мелкобуржуазным, несоциалистическим формам поведения. Активность трудящихся обусловлена не только возрастающим материальным благосостоянием, но и уверенностью в завтрашнем дне, в непрерывном поступательном всестороннем развитии социалистического общества, в личной причастности этому развитию, в том, что доля работника в распределении результатов указанного развития зависит от его собственного труда. В этом заложены огромные импульсы к раскрытию личности.

При капитализме на рабочих воздействует не только сама безработица (составляющая обычно в некризисных условиях 5—3% рабочих), а еще более страх перед безработицей, которому подвержены все рабочие. Таким образом, капиталистическая система угнетает рабочего, стремится отнять у него человеческое достоинство. Именно страх перед безработицей создает соответствующую атмосферу, в которой капиталистам удается присваивать себе ложный титул «работодателей».

«Концепция рыночного хозяйства» дает осечку как в вопросе обеспечения непрерывного роста экономики, так прежде всего в вопросе создания общественных условий для всестороннего развития личности.

Цель производства определяется отношениями собственности. Объективная цель производства всегда одновременно выступает как субъективная цель собственника средств производства. Общественная собствен-

ность означает, что все члены общества являются равным образом собственниками средств производства. Это не формальный титул собственника, а реальное экономическое отношение. Отношения общенародной собственности никому не дают привилегий и возможностей монополизировать часть общественного богатства для того, чтобы на этой основе присваивать чужой труд. Плоды общественного производства (предметы потребления) распределяются при социализме по труду и в отношении некоторой части, например услуги здравоохранения, — по социальным критериям (или как комбинация этих двух форм распределения, например, стипендии). Целью социалистического производства может быть только удовлетворение материальных и культурных потребностей людей. Представители рыночного хозяйства возражают, что-де в условиях социализма общественные цели отделяются от индивидуальных, что личное подвергается угнетению со стороны коллективного, что социалистический тезис об общем благе служит якобы лишь маскировкой отсутствия у людей свободы и т. п. Все это грубое извращение фактов. Конечно, коллективизм является существенным моментом мировоззрения рабочего класса, но не в противовес развитию личности, а как его предпосылка, основа. Естественно, что имеется примат общественных интересов перед коллективными и индивидуальными, но лишь в том смысле, что осуществление первых составляет основополагающую предпосылку существования и прогресса всего социалистического общества и этим самым реализации и индивидуальных интересов. Но цель социалистического производства, смысл социализма — в удовлетворении материальных и культурных потребностей людей, в развитии их личности, а не в удовлетворении только потребностей общества.

На этот счет имеются вполне ясные и недвусмысленные высказывания классиков марксизма-ленинизма. «Возможность обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей,— эта возможность достигнута теперь

впервые, но теперь она действительно *достигнута*»¹.

В. И. Ленин определял социализм как планомерную организацию общественного производства для «обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *всех* членов общества»².

Иного смысла социализм иметь не может.

В нашей литературе были отдельные попытки при формулировании основного экономического закона социализма целью социалистического производства считать создание общественных предпосылок для все лучшего удовлетворения материальных и культурных потребностей людей. Это должно означать, что целью социалистического производства будто бы является удовлетворение индивидуальных и общественных потребностей. Указанная формулировка не получила поддержки. Что же понимается здесь под общественными потребностями? Потребность в безопасности, в обороноспособности страны, в накоплении и т. д.? Но все это или основополагающие условия существования социализма (при наличии империализма), или как, например, потребности в накоплении, — средство обеспечения цели. Но единственной целью в конце концов остается развитие самого человека, удовлетворение его материальных и культурных потребностей.

С изменением конкретно-исторических условий социалистического строительства модифицируется характер взаимосвязи между целью производства и средством ее достижения. Сегодня указанная взаимосвязь стала более прямой, тесной, органичной, непосредственной, чем в годы после второй мировой войны. Эта прямая связь между ростом материального и культурного уровня жизни народа и повышением эффективности общественного труда — решающий признак развитого социалистического общества.

VIII съезд СЕПГ определил основную задачу общественного развития ГДР на длительный период. Она «состоит в том, чтобы обеспечить дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 20, с. 294.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 6, с. 232.

технического прогресса и роста производительности труда»¹. Товарищ Эрих Хоннекер по данному вопросу сказал в Отчетном докладе ЦК СЕПГ VIII съезду следующее: «В нашем обществе экономика является средством для достижения намеченной цели, а именно средством все более полного удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей трудового народа. Естественно, наша партия руководствовалась данными положениями и в прошлом. Однако по мере развития социалистического общества и его экономических возможностей эта закономерная связь между производством и потребностями людей может и должна проявляться все более непосредственно и эффективно»².

Все более полное удовлетворение материальных и культурных потребностей народа неразрывно связано с более полным использованием преимуществ социалистического планового хозяйства. Планирование воспроизводственных процессов отнюдь не является вопреки утверждениям представителей рыночного хозяйства отрицанием свободы и достоинства человека. Напротив, это существенное условие создания действительно человеческих отношений. Социалистическое плановое хозяйство вовсе не обрекает коллективы и отдельных работников на пассивность, не делает их лишь простыми исполнителями приказов, а является предпосылкой и основой для развертывания их инициативы, творчества.

Классики марксизма-ленинизма неразрывно связывали гуманистическую сущность нового строя, свободу человека с планированием развития общества, его экономики.

К. Маркс писал: «Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей»³.

¹ VIII съезд Социалистической единой партии Германии. М., Политиздат, 1972, с. 229—230.

² Там же, с. 33.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 25, ч. II, с. 387.

Прогнозирование будущего характерно для человеческой деятельности. В конце трудового процесса появляется результат, который уже в начале деятельности идеально был в представлении рабочего (К. Маркс). Подлинно человеческое общество возможно лишь тогда, когда этот существенный момент всякой человеческой деятельности — осознанность действий распространится на формирование общественных отношений в их совокупности и на весь воспроизводственный процесс. Следовательно, и существование общественного сознания, общенародной воли, общественного планирования является основополагающим выражением действительно человеческого характера общественного строя. Эта черта присуща именно социализму. Возрастающая роль общественного сознания — преимущество социализма, а не его недостаток. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин всегда подчеркивали это обстоятельство.

Понятия «ассоциированное сознание», «всеобщий контроль» они употребляли в смысле господства людей над общественными отношениями, в смысле «достойных человеческой природы адекватных ей условий» воспроизводства. Это следует из всего учения марксизма-ленинизма. Поскольку человек — существо общественное, то и общественные отношения должны формироваться истинно человеческим образом.

Человек выступает в качестве сознательного их творца. Но это возможно только через осознающую себя «ассоциацию», через «всеобщий контроль».

Отсюда следует также и понимание социального содержания планирования. В планировании, как известно, используются экономико-математические методы, сложные модели, электронно-вычислительная техника. Но сами эти методы не раскрывают существа планирования, являются лишь его инструментами, вспомогательными средствами, хоть и необходимыми, действенными. Правильные представления о планировании связаны не только с понятием общехозяйственной рациональности. Весьма далеки от истины и такие, например, взгляды на планирование, что оно — де хотя экономически и эффективно, но мало демократично.

Подлинным содержанием социалистического управления и планирования является неограниченная, полная, пронизывающая весь общественный хозяйственный

механизм реализация интересов рабочего класса, всех трудящихся. Поэтому плановое управление опирается на развертывание творчества, инициативы трудящихся. Под этим же углом зрения необходимо смотреть и на процесс совершенствования социалистического планирования. Оно возможно только на путях научной обоснованности и развития демократических основ и в направлении повышения экономической эффективности и растущего удовлетворения материальных и культурных потребностей людей при все более интенсивном взаимодействии всех этих моментов. Социалистическое планирование по своей сути и функциям глубоко демократично. Это касается обеих, друг друга диалектически обуславливающих сторон — централизма и самостоятельности коллективов и отдельных трудящихся.

Конечно, буржуазному сознанию социалистический принцип демократического централизма недоступен. Буржуазные идеологи нападают на централизм, и все, как по команде, отрицают или замалчивают хозяйственную самостоятельность, которой располагают социалистические предприятия и территориальные органы и используют ее для выполнения установленных им народнохозяйственных заданий. Главным «аргументом» против централизма выставляется тезис о неких дурных воздействиях власти как таковой. Причем говорят, что вопрос стоит не о том, кто находится у власти и какие при этом преследуются цели — хорошие или плохие. Власть сама по себе будто бы вредна, поскольку она ограничивает-де свободу личности. Проблема, таким образом, в том, чтобы убрать из этого мира власть. Но как это осуществить? Ну, конечно же, через рыночное хозяйство! Его представители утверждают, что в рыночном хозяйстве никто не обладает властью. Поскольку собственность разделена между многими владельцами и каждый действует для себя, то ни один из них не располагает исключительной властью.

Подумать только, как мы затрудняем себе дело. В нашем диалектико-материалистическом понимании исторический процесс есть закономерная смена общественных формаций (первобытное общество, рабство, феодализм, капитализм, коммунизм), вызванная диалектическим взаимодействием производительных сил, производственных отношений (прежде всего отношений

собственности) и общественной надстройки (прежде всего политических отношений), которые одновременно определяют внутреннюю структуру каждой отдельной формации и т. д.

Согласно воззрениям рыночников дело оказывается куда проще. К примеру, если бы в Древнем Риме позаботились о том, чтобы каждый рабовладелец мог бы иметь одинаковое с другими количество рабов, то и власть могла бы исчезнуть и установилась бы свобода. Последовать этой «теории» нам мешает одно: нас совершенно не интересует свобода рабовладельцев, а также свобода их последователей в деле эксплуатации, угнетении трудящихся¹. Совершенно очевидно, что сторонники рыночного хозяйства в своей аргументации против власти спекулируют на том отрицательном опыте, кото-

¹ К. Маркс четко объяснил как сущность, так и различные формы эксплуатации в разных общественных формациях. Часть труда, продукт которой обеспечивает воспроизводство рабочей силы, есть необходимый труд. Остальная часть, которая присваивается в различных формах соответствующими эксплуататорскими классами, есть прибавочный труд.

«Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличается экономические формации общества, например, общество, основанное на рабстве, от общества наемного труда» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 23, с. 229). И в другом месте: «...форма заработной платы стирает всякие следы разделения рабочего дня на необходимый и прибавочный, на оплаченный и неоплаченный труд. Весь труд выступает как оплаченный труд. При барщинном труде труд крепостного крестьянина на самого себя и принудительный труд его на помещика различаются между собой самым осязательным образом, в пространстве и времени. При рабском труде даже та часть рабочего дня, в течение которой раб лишь возмещает стоимость своих собственных жизненных средств, в течение которой он фактически работает лишь на самого себя, представляется трудом на хозяина. Весь его труд представляется неоплаченным трудом. Наоборот, при системе наемного труда даже прибавочный, или неоплаченный, труд выступает как оплаченный. Там отношение собственности скрывает труд раба на себя самого, здесь денежное отношение скрывает даровой труд наемного рабочего» (там же, с. 550).

Это затушевывание капиталистической эксплуатации вызвано объективными ее формами. Извращение же действительной сути отношений, превращение ее в прямую противоположность, например наименование того, кто присваивает неоплаченный труд, работодателем, а эксплуатируемого работополучателем,— это уже сознательное введение в заблуждение.

рый рабочие при капитализме накопили относительно чуждой им, враждебной власти. К живописаниям вредности власти еще добавляют примерно такое: «Представьте себе все это еще более концентрированным, мощным, гнетущим». Здесь они уже угрожают, запусывают, похоже, фашизмом, этим порождением капиталистической системы. Для буржуазии мыслимы как идеальные два типа политической организации буржуазного общества: открытая фашистская диктатура или «полный плюрализм», т. е. общество, где все «заботятся только о себе», как каждый капиталист (он это делает охотно и к тому же понуждается и объективными отношениями), так и каждый рабочий. Оба типа политической организации обеспечивают одно и то же — полное подчинение рабочего класса классу капиталистов. И тут явно обнаруживаются действительные вождения буржуазного индивидуализма.

Вопрос всех вопросов здесь тот же: интересами какого класса мы руководствуемся.

Это относится также и к вопросу об импульсах, стимулах в экономическом процессе. Представители рыночного хозяйства утверждают, как упоминалось, что в условиях социалистического планового хозяйства импульсы хозяйственной жизни исходят лишь из центра, а «все остальные» — только исполнители. А вот в рыночном хозяйстве импульсы исходят из самих «хозяйствующих субъектов», поэтому они и эластичны и демократичны и т. п. в этом роде. Но что это за «хозяйствующие субъекты» при капитализме, которые ставят цели и организуют их достижение? Рабочие? Как раз для капитализма и характерно, что собственно носители материального воспроизводственного процесса — рабочие и все трудящиеся — фактически являются только исполнителями и именно чужих интересов. Они не могут работать, не производя капитал, чуждую, враждебную им силу? Это — причина отчуждения рабочего от продукта его деятельности.

Труд — важнейшее жизненное проявление человека, но в условиях капитализма труд не развивает в рабочих таких качеств, как товарищество, коллективное мышление, человеческое достоинство, творческий разум, мужество, так как сам процесс труда не представляет для рабочих конструктивного интереса. Указанные ка-

чества развиваются у рабочих только в процессе совместной борьбы против капиталистической системы, потому что конструктивен здесь только тот общий интерес рабочих, который связан с противодействием капитализму, с преодолением этого общественного строя.

При социализме же общий интерес рабочего класса конструктивен относительно развития всех сторон общественной жизни, в том числе и прогресса в народном хозяйстве. Как видно из рассмотрения взаимосвязей общественных, коллективных и индивидуальных интересов, движущие импульсы в экономике при социализме исходят из коренной согласованности этих интересов. Конечно, важным источником импульсов является и центральное управление и планирование. Но эти импульсы реализуются не только в форме внешних воздействий между организациями, например между Госпланом, министерством и предприятием, но в своей первооснове — в качестве внутренних отношений между общественными, коллективными и индивидуальными интересами одних и тех же индивидов.

Все это осуществляется не в форме какого-то механического, до деталей выверенного скучного процесса, а в напряженном труде, в ежедневных поисках лучших решений, во взаимных воспитательных воздействиях, в борьбе мнений, а также подчас и через отклонения и ошибки. Это живой процесс функционирования социалистической демократии, который движет вперед все общество. Импульсы к прогрессу экономики имеют своим источником не только центр. Они вообще не локализируются в одном пункте, как при капитализме (здесь движущее начало хозяйственного процесса как раз строго локализовано — это интерес капиталистов, который не согласуется ни с общественными интересами, ни с интересами рабочих).

Превосходство социализма состоит не только в наличии общественного разума, а в том, что он направлен на согласованное удовлетворение общественных, коллективных и индивидуальных интересов, он становится достоянием отдельных трудящихся, требует от них инициативы и поощряет ее. Здесь трудящиеся не только исполнители, но и творцы. А там, где они выступают исполнителями управленческих решений, то не во имя чуждых им интересов.

Необходимо сделать замечание по поводу «принципа производительности». Представители рыночного хозяйства иногда именуют восхваляемый ими общественный порядок «обществом производительности», «обществом прилежания», поскольку свободная конкуренция будто бы прилежание вознаграждает, а менее прилежных наказывает и т. п. А социализм у них, конечно, — противоположность этому. Если бы вообще возможно было при определении общества руководствоваться тем, осуществляется или не осуществляется в нем принцип прилежания, то мы решительно возразили бы против прикрытия капитализма того и этого наименования и по-настоящему претендовали бы на такое наименование для социализма. Конечно, никто не оспаривает того, что конкуренция исторгает сильные импульсы, которые влияют и на научно-технический прогресс, «вознаграждают» того капиталиста, который быстрее, действеннее реализует научно-технические достижения. Но дает ли это право декларировать капитализм как «общество производительности», «общество прилежания»?

Во-первых, мерой распределения созданного трудом общественного богатства является не труд, а капитал. Огромные паразитические доходы собственников капитала никак не связаны с их трудом. Это видно еще нагляднее в свете известного отделения функций управления капиталом от его собственности. Впрочем, буржуазные идеологи стремятся преувеличить, абсолютизировать, приукрасить это отделение, выдать даже его за прогрессивное изменение самого характера собственности. Не говоря о том, что последнее является элементарным и давно разоблаченным обманом, надо заметить, что и доходы многих менеджеров не зависят от их индивидуального трудового вклада. Современные исследования показывают, что вызванное введением менеджмента некоторое внешнее отделение управления от собственности теперь в значительной мере снова снимается, так как крупные менеджеры все более превращаются в крупных акционеров. Теперь первая пятерка высших управляющих крупнейшими американскими компаниями, как правило, миллионеры. Если в начале 40-х годов они владели акциями на сумму в среднем 400—600 тыс. долл., то теперь эта величина составляет в среднем 2—3 млн. долл. Указанные суммы ведут свое происхождение

даже не столько от необычайно высоких окладов и различных доплат к ним, сколько от прямых «подарков», например, в виде привилегии приобретения по номинальной стоимости акций, рыночный курс которых значительно выше. Подношения этого вида составляют сегодня от трети до половины всех доходов американских высших менеджеров¹. И если какой-нибудь член ряда наблюдательных советов «зарабатывает» в сто раз больше, чем даже квалифицированный рабочий, то, разумеется, это не означает, что и работает он в сто раз больше или что он в сто раз умнее, не говоря о других человеческих качествах.

При социализме, где все члены общества в равной мере собственники средств производства, только труд, индивидуальный труд² может быть мерой распределения.

Градации трудового вознаграждения на разных работах определяются не только абсолютными различиями в затратах индивидуального труда (например, у инженера и рабочего), но и общественными требованиями обеспечения достаточного стимула для роста производительности, квалификации и т. д. В тенденции, по мере развития социализма, уменьшаются различия в уровне квалификации, а следовательно, и доходов. Последнему способствует также повышение получаемых минимальных доходов.

При социализме все граждане имеют не только одинаковые «стартовые условия», но и объективно одинаковые условия развития. В капиталистическом мире часто высказывается тезис о необходимости создания одинаковых «стартовых» условий для всех. Это лишь дополнительно свидетельствует о фактической социальной

¹ См. Epstein S. Die Managerschicht der Monopolbourgeoisie.— «Sowjetwissenschaft, Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge», 1973, N 4.

² Под индивидуальным трудом понимается: а) требования к данному труду; это квалификация, условия труда, степень ответственности, народнохозяйственной значимости труда (трудящиеся, обслуживающие дорогие, особо важные установки, оплачиваются выше); б) результат труда: количество изготовленных изделий, их качество, затраты материалов и т. д. Сказанное означает, что индивидуальный труд не аналогичен чисто производственному результату, а учитывает величину и характер затрат со стороны работника (квалификация и др.), которые необходимы для данного определенного результата.

несправедливости этой системы. Но, кроме того, возникает вопрос: одинаковые, «стартовые условия» для чего? Для новой конкурентной борьбы всех против всех? Для гонки за привилегиями, которые должны приобретаться на службе господствующему классу по примеру менеджеров? Разве это выход для рабочего класса, для трудящихся в целом? Одинаковые шансы в капиталистическом мире понимаются прежде всего как равные шансы на образование. Капиталистическая система не устраняет привилегий господствующих классов в образовании. Да, кроме того, и доходы зависят в первую очередь не от образования, а от владения капиталом, а также от привилегий, которые господствующие классы предоставляют за «верную службу». Социально-экономическое освобождение рабочих как класса возможно только через обобществление средств производства. До тех пор пока существует капитализм, доходы рабочих будут регулироваться не законом распределения по труду, а законом стоимости, борьбой рабочего за возможно более высокую цену за товар — рабочую силу.

Во-вторых, распределение между монополиями созданного трудом богатства зависит не только от результатов, в основе которых лежит действительная экономия времени, а от растущей интенсификации труда, от спекуляций, всяческого обмана и т. д. Действие закона стоимости в условиях современного капитализма сопровождается крупными извращениями в общественной оценке фактических затрат труда. Здесь необходимо добавить, что по мере прогрессирующей монополизации и усиливающегося слияния монополий с капиталистическим государством прибыли монополий оказываются все менее связанными с риском и даже с традиционным пониманием затрат и результатов в условиях рыночного хозяйства. Осуществляется растущий по объему и интенсивности процесс перераспределения доходов в пользу монополий, связанный с перекладыванием прежнего частнокапиталистического риска на государство, в конечном счете на трудящихся.

В условиях социализма, как отмечалось, использование товарно-денежных отношений является необходимым элементом общественной оценки результатов труда, прежде всего на уровне предприятия. Социалистическое общество в состоянии правильно соединить кол-

лективные интересы с общенародными и этим успешно закрыть источники образования такой прибыли, в основе которой не лежит действительное созидание. Конечно, это должно рассматриваться не как нечто само собой данное, а как постоянно решаемая задача.

Диалектическое сочетание общественного, коллективного и индивидуального интересов не исчерпывается материальной заинтересованностью, как это обычно понимается. Конечно, социалистическая система управления, планирования и стимулирования проводит в жизнь принцип, что каждый трудящийся может реализовать свои индивидуальные интересы в той мере, в какой его труд имеет общественно полезный характер. Это касается и реализации интересов коллектива предприятия. Формирование и совершенствование конкретного хозяйственного механизма так, чтобы этот принцип реализовался полнее, было и остается важнейшей и сложнейшей задачей. Если рабочий приобретает более высокую квалификацию, чтобы больше зарабатывать, то это материальная заинтересованность в узком смысле. Если он одновременно стремится внести большой вклад в выполнение задания его предприятием, то здесь в определенной степени выражается и материальный интерес. Действие экономических интересов проявляется и тогда, когда к личным мотивам рабочего присоединяется стремление укрепить экономику своего государства. Но такой образ поведения, определяемый экономическими интересами, включает и соответствующие теоретические представления, идейные убеждения, осознание своего долга, т. е. одновременно и идеальные импульсы. Большую роль здесь играют политические, социальные мотивации. Отсюда ясно, что соединение общественных, коллективных и индивидуальных интересов не сводится к механизму экономических рычагов, а включает и действие идеальных движущих сил.

Особенно сильно стимулирует инициативу трудящегося объективное включение его интересов в систему интересов коллектива и общества, а также порожденная практическим опытом и теоретическим пониманием уверенность в том, что, повышая квалификацию, производительность труда, внося новаторские предложения, он приносит пользу не только себе, но проявляет себя как гражданин социалистического государства, как пред-

ставитель ведущего класса общества, получает как материальное поощрение, так и общественно-политическое и моральное признание.

Инициатива рабочих, их производственное рационализаторство на капиталистических предприятиях крайне незначительны не из-за отсутствия или недостаточности вознаграждения, а потому, что вся эта материальная заинтересованность мимолетна и сводится лишь к узкоиндивидуальной выгоде. Рабочий на капиталистическом предприятии не может рассчитывать, что подобной активностью он добьется признания своих товарищей.

Соответствие индивидуальных интересов трудящихся коренным интересам социалистического общества в целом — это не пропагандистское учение, а упрямые факты реальной жизни.

Централизованное управление и планирование народного хозяйства ведут к более высоким экономическим результатам не только потому, что координируют действия людей, но и потому, что являются основополагающим условием для развития присущих общественной собственности движущих сил. Именно централизованное плановое управление делает общенародные интересы ощутимыми, контролируемыми, дает людям ясное представление, что их дела подчинены благородной цели, их труд вознаграждается обществом в самом полном и высоком смысле.

Процесс разработки и утверждения планов (плановые дискуссии, отработка взаимосвязей между плановыми показателями предприятия и индивидуальными заданиями работникам, личная инициатива трудящихся в уточнении государственных плановых установок и т. д.) важен как для повышения экономической эффективности и развития социалистической демократии, так и для развития социалистических личностей, их морально-политических и деловых качеств. К элементарным и неоспоримым истинам нашего времени относится тот факт (который в «теории рыночного хозяйства» без обиняков отрицается), что социализм дал выход огромной социальной энергии и продолжает ее высвобождать в растущих размерах. Из всех их рассуждений может быть сделан один вывод: социализм исторически не преодолим, и его движение остановить невозможно.

Об экономическом превосходстве социалистической общественной системы

Полемика с буржуазными и ревизионистскими теориями не всегда проста. Здесь мы имеем дело с противником, который владеет накопленным за многие десятилетия опытом тщательной маскировки своих действительных интересов. Казалось бы, об элементарных фактах, которые к тому же точно могут быть доказаны цифрами, не спорят. Здесь же совсем не так. Если речь идет об основных фактах, признание которых становится равносильным общему выводу о перспективах капитализма и социализма, то буржуазная идеология пренебрегает как научно обоснованными выводами, так и элементарной логикой.

Отношение буржуазной идеологии к реальным процессам и явлениям весьма своеобразно. Оно по меньшей мере трехступенчато, «трехслойно». **Первый «слой»** — это поистине лихорадочные усилия по переработке соответствующих новейших данных статистики, по использованию новейших явлений (определенные процессы научно-технической революции), достижений науки (например, кибернетики) для включения их в теоретические построения или в качестве исходного пункта «новых» теорий. Под этим скрывается **второй «слой»** — совокупность длительно действующих тезисов, положений, которые хотя и обставляются определенными фактами, но с большим упрямством защищаются и тогда, когда процесс общественного развития уже давно представил новые факты, совершенно несовместимые с указанными старыми положениями. Если эти долговременно используемые тезисы — мы в дальнейшем на них остановимся в той части, где они затрагивают соревнование двух систем, — совершенно перестают выдерживать критику, они «незаметно» изымаются буржуазными идеологами из оборота и молчаливо заменяются другими. Такие случаи, правда, всякий раз означают поражение буржуазной идеологии, но они все же еще не разрушают капиталистической системы. Но если рассматривать, анализировать цепь подобных, следующих друг за другом провалившихся тезисов, то становится видным историческое отступление империализма и его идеологии. А вместе с тем и провалы его стремлений актив-

нее, наступательнее, «убежденнее» вести идейную борьбу против социализма, а по сути, извращать и затемнять коренные, основополагающие факты нашей эпохи. И что касается именно таких решающих фактов, то здесь невежество буржуазной идеологии становится абсолютным. Это уже третий аспект отношения буржуазной идеологии к реальным процессам и явлениям¹. К этим основополагающим фактам, признание которых буржуазной идеологией было бы равносильно краху всей их «фирмы», относится экономическое превосходство социализма. Здесь уже речь идет не о толковании фактов, а о них самих. Надо сказать, что при всех трудностях, возникающих при международных сравнениях в частности, в деталях, все же о совокупном результате здесь не может быть разных мнений.

Экономическое превосходство социализма доказано на деле. Социализм — это еще молодой организм. Но ему хватило половины столетия, чтобы убедительно и неоспоримо доказать свое историческое превосходство, в том числе и в экономической области.

Приведем сначала несколько общих фактов экономического развития главных стран капиталистической и социалистической мировых систем. В 1913 г. промышленное производство царской России составляло около 12,5 % американского. Но этот год нельзя брать в качестве исходного для сравнительного анализа результатов экономического соревнования между СССР и США. Вследствие первой мировой войны, иностранной интервенции и гражданской войны продукция советской про-

¹ Это невежество мы встречаем на каждом шагу. Вспомним, к примеру, что буржуазная политэкономия вплоть до появления книги Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» в 1936 г., т. е. более чем через 100 лет после первого капиталистического кризиса перепроизводства, объясняла безработицу все «новыми» аргументами вроде того, что она-де происходит по вине самих рабочих или что она является «добровольной». Только величайший мировой экономический кризис 1929—1932 гг. заставил буржуазных экономистов искать более «убедительные» причины этого явления. Кейнс считал, что он их нашел в «исправимых» недостатках механизма регулирования капиталистического хозяйства. Но никакие изменения в механизме регулирования безработицу не устраняли. Были затем объяснения безработицы технологическими причинами. Но тот факт, что массовая безработица есть закономерное, неизбежное проявление капиталистической системы, до сих пор и не признается.

мышленности в 1920 г. была почти в 7 раз меньше по сравнению с довоенным годом. Производство стали в 1921 г. составляло только 1,1% американского (в 1913 г. — 14,3%), производство цемента — 0,4% (в 1913 г. — 13%) и т. д. С момента окончания гражданской войны (за исключением 1941—1945 гг.) США непрерывно и быстро проигрывали в экономическом соревновании. В 1925 г. по объему промышленного производства СССР достиг предвоенного уровня царской России. В результате успешного выполнения пятилетних планов перед второй мировой войной была создана современная мощная промышленность. В течение 11 лет (1930—1940 гг.) продукция промышленности СССР ежегодно увеличивалась в среднем на 16,5%, а продукция американской промышленности — только на 1,2%. Уже перед второй мировой войной Советский Союз по развитию промышленности занимал первое место в Европе и второе в мире (после США). Он располагал современной промышленностью с прогрессивной структурой, включавшей многие новые отрасли, что обеспечивало экономическую независимость страны от капиталистического окружения. Был достигнут большой прогресс в территориальном размещении производительных сил. Это способствовало экономическому развитию ранее отстававших районов, сближению наций и народностей страны по уровню экономического развития.

Благодаря последовательной и успешной политике социалистической индустриализации Советский Союз смог успешно разгромить в Великой Отечественной войне гитлеровский фашизм, в распоряжении которого находился индустриальный потенциал почти всей Европы. Период 1941—1945 гг. был единственным периодом, когда продукция советской промышленности абсолютно уменьшилась (в среднем на 1,2% в год). И этот период начиная с первой мировой войны был как раз единственным из столь многих лет, в течение которого американская промышленность достигла высоких темпов годового прироста — 9,5%. Целеустремленная политика Коммунистической партии и усилия советского народа обеспечили восстановление довоенного уровня промышленного производства за 2,5 года.

Казалось бы, ко всему этому возможен единственный комментарий, если он не излишен вообще. Но думать

так — значит сильно недооценить способности буржуазных идеологов десятилетиями игнорировать факты. Слишком долго они сами верили в выдуманное ими же утверждение о некой функциональной неспособности социалистического хозяйства. А в 50-е и 60-е годы, когда социализм превратился в мировую систему и стал определяющим образом воздействовать на ход мировых событий, они начали пугать друг друга сенсационными заявлениями примерно следующего содержания: «Я настроен пессимистически, я не вижу никакой внутренней силы, которая могла бы привести советскую экономику к развалу» (американец Н. Дисней в ж. «Форчун», октябрь 1962 г.) или «Отныне капитализм имеет конкурента» (Perroux F. *La coexistence pacifique*, Paris, 1958, S. 80).

Если бы в буржуазной идеологии еще 150 лет назад не воцарилась платная апологетика вместо беспристрастного исследования, о чем говорил К. Маркс, то буржуазные идеологи в вопросе о том, что в состоянии сделать социалистическое плановое хозяйство, уже давно вынуждены были бы присягать на откровенность. Но на деле история реального социализма обернулась для буржуазной идеологии историей банкротств ее предсказаний об экономических возможностях социализма.

В первые годы Советской власти любимой темой империалистической идеологии были предсказания предстоящих провалов нового строя в ближайший квартал, ближайший месяц или неделю. Одна только «Нью-Йорк таймс» привела за 1919 г. двадцать подобных сообщений. Когда Советский Союз объявил о первой пятилетке, в империалистическом лагере раздался громкий хохот. «Нью-Йорк таймс» даже в конце 1932 г. продолжала по инерции писать, что этот план «и не план вовсе, а спекуляция». Но пятилетний план был выполнен в 4 года. Высокие годовые приросты производства также и в следующих пятилетках заставили буржуазных идеологов прикусить язык. Но они пашли новый аргумент: хотя-де Советский Союз демонстрирует высокие темпы хозяйственного развития, но его абсолютное отставание по уровню производства, например от США, будет расти, так как исходный уровень Советского Союза ниже.

С этим была связана надежда, что темпы прироста продукции советской промышленности сблизятся и

сравниваются с американскими темпами. Но этого не случилось¹. Высокие темпы развития СССР сохранились и неизбежно вели к сокращению разрыва в абсолютном уровне производства. Это можно показать на примере производства стали. В Советском Союзе производство стали в период с 1946 по 1950 г. выросло более чем на 100%, в США — примерно на 50%. Но абсолютный прирост производства составил в СССР в это время примерно 14 млн. т, а в США — 27,5 млн. т, т. е. темпы роста в СССР были выше, а абсолютный прирост ниже. Но в следующий период (1950—1955 гг.) в СССР выше были уже не только темпы, но и абсолютный прирост. Полное представление об этом дает приводимая ниже таблица.

**Рост производства стали в СССР
(соответственно в дореволюционной России)
и в США*** (в млн. т)

Годы	СССР (соответственно в дореволюционной России)	США
1913	4,9	34,1
1917	3,1	45,8
1921	0,2	20,1
1932	5,9	13,9
1940	18,3	62,5
1946	13,3	62,5
1950	27,3	90,0
1955	45,3	106,2
1960	65,3	92,1
1965	91,0	122,5
1970	116,0	122,1
1971	120,6	111,7
1975 (план)	142—150	...

* См. 40 Jahre Sowjetmacht in Zahlen. Berlin, VEB Deutscher Zentralverlag, 1958, S. 98; СССР и другие страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Стат. сборник. М., «Статистика», 1970, с. 39; Народное хозяйство СССР в 1972 г. М., «Статистика», 1973, с. 211; Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1974, с. 149.

¹ Это положение часто используется буржуазной идеологией. Например, в одном комментарии к графику роста национального дохода в СССР и США за последние 20 лет говорится: «Графическое выражение показывает, что ...более высокие темпы роста советского национального дохода немного значат, поскольку базисные данные США заметно выше». Но как раз из

Как только тезис о растущем абсолютном преимуществе империалистических стран потерял свой блеск и всякие основания, империалистические идеологи представили новый тезис: конечно, дескать, много производить, нагромождать на земле цементные и другие заводы социалистическое плановое хозяйство, пожалуй, в состоянии, но вот со сложными проблемами научно-технического прогресса оно не сможет справиться. На фоне таких представлений можно понять поистине шоковое состояние, которое вызвал в капиталистическом мире запуск первого советского спутника. Растерянность и замешательство, трудность переосмысливания наиболее выразительно проявились в ставшем знаменитым высказывании бывшего президента США Дуайта Эйзенхауэра, что-де кусок железа в небо может забросить всякий. Весь мир тогда от души посмеялся над этими словами. Империалистические идеологи, хотя и со значительным промедлением, вынуждены были наконец признать, что первая советская атомная электростанция, успехи СССР в ракетной, космической, авиационной технике и многих других областях не являются случайными удачами, что Советский Союз как раз в наиболее современных, сложнейших технических областях завоевал ведущие позиции в мире уже тогда, когда он еще не догнал США по общему уровню производительности труда. И одновременно они должны были признать, что Советский Союз достиг значительных успехов в образовании, в решающих направлениях фундаментальных исследований, т. е. в тех областях, которые прокладывают путь в будущее.

Опять потребовалось новое смещение акцента в аргументации, и оно явилось. Поскольку нельзя было больше отрицать, что социалистическое плановое хозяйство может успешно развивать науку, технику, производство,

самого приведенного графика следует, что национальный доход в СССР в 1950—1970 гг. возрастал быстрее американского не только относительно (соответственно в 4,6 и в 1,9 раза), но и его абсолютный прирост за этот период был больше, чем в США (180 против 140 млрд. долл.). Буржуазная литература по данной теме содержит изобилие столь же «великолепных свидетельств объективности и научности» (Цитата и приведенные цифры взяты из статьи Buchholz A. Wissenschaftlich-technische Revolution (WTR) und Wettbewerb der Systeme.—«Osteuropa», 1972, N 5).

то пошло в ход утверждение, что социализм недостаточно удовлетворяет потребности людей, недостаточно развивает производство предметов потребления. И снова применяются те же методы: замалчивается и преуменьшается все, что сделал социализм в этой области, а явления, вызванные неблагоприятными условиями развития социализма, выставляются в качестве свойств, присущих самой природе социализма. Судьбу и этого новейшего приема буржуазной идеологии нетрудно предвидеть.

Возникает вопрос: по каким основным направлениям будет развиваться дальше аргументация буржуазной идеологии в области экономического соревнования двух систем, какие еще аргументы вообще логически мыслимы? Может быть, будет выдвинут ставший с некоторого времени популярным термин «качество жизни»? Например, в один прекрасный день нам скажут: «Экономика? Допустим, что здесь все при социализме прекрасно. Но зато свобода, демократия — это уж у нас». Словом, буржуазная идеология ведет такой спор, в котором капитализм с самого начала, с первого дня Советской власти исторически обречен на полное поражение.

Кризис развития буржуазного сознания в условиях экономического превосходства социализма выражается в многообразных, подчас противоречивых формах. Так, выдвигается на первый план так называемое человеческое измерение технического и экономического прогресса. При этом стараются преуменьшить экономические преимущества социализма. Выдвигают, например, требование «последовательно развенчать идеи роста»¹. Это на словах, а сами при этом одновременно стремятся предпринимать меры, чтобы повысить хозяйственные показатели, мобилизовать капиталистическую экономику на борьбу против социализма.

Поэтому было бы большой ошибкой полагать, что тема экономического соревнования двух систем стала привлекать меньше внимания в идеологической борьбе. Это означало бы преуменьшить значения того, что еще предстоит практически сделать социализму в экономическом соревновании двух систем. Это было бы также не-

¹ Daddavio E. Demokratie und Fortschritt. — «Der Spiegel», 1972, 22 Mai, S. 128.

дооценкой способностей буржуазной идеологии к выработке иммунитета даже против фактов. Высказывания буржуазных идеологов об экономическом соревновании двух систем занимают в пропаганде по-прежнему важное место, причем преимущественно в резкой форме, особенно в массовой пропаганде, и прежде всего в ФРГ. Создается впечатление, что памфлеты об экономическом соревновании двух систем и под этим углом зрения о научно-технической революции стали излюбленной темой различных буржуазных изданий.

То, как разрешится классовое единоборство социализма и капитализма на этом главном направлении, не вызывает никакого сомнения. Но это не позволяет нам ни в коем случае самоуспокаиваться, недооценивать научно-технический потенциал империализма и его усилия по возможности эффективнее использовать этот потенциал в борьбе против социализма.

Буржуазная политэкономия не прекратит поисков путей укрепления позиций их системы во всемирном споре между социализмом и империализмом. Вместе с тем новейшие работы буржуазной политэкономии показывают, что становится все труднее не только находить такие пути, но и имеющееся в их распоряжении «поле деятельности» вообще уменьшается. Очевидно, что буржуазная политэкономия переживает своеобразный кризис в кризисе (если учесть, что с момента возникновения марксизма она находится в перманентном кризисе).

Этот острый кризис проявляется в собственных признаниях буржуазной политэкономии и особенно наглядно виден в том, что основополагающие, традиционные экономические доктрины, владевшие десятилетиями буржуазным экономическим мышлением, все чаще признаются как ошибочные и недейственные. Видные буржуазные экономисты сами подвергают эти доктрины основательной критике и ищут «новые» пути¹. Нагляднее всего здесь может быть пример с буржуазными

¹ Подобный анализ современного кризиса буржуазной политэкономии дает Mileikowski A. в статье «Über die gegenwärtige Etappe der Krise der bürgerlichen politischen Ökonomie» («Sowjetwissenschaft, Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge», 1973, N 5 und 6). По вопросу о теориях роста см.: Meßner H. Theorie des Wirtschaftswachstums. Berlin, Akademie-Verlag, 1971.

теориями роста. Указанные теории являются основными элементами буржуазного экономического обоснования теоретических основ государственно-монополистической экономической политики. Тем более, что империалистическая экономическая политика представлялась, особенно в 50-х и в первой половине 60-х годов, прежде всего как политика экономического роста и сопровождалась в теоретико-пропагандистской области пышными восхвалениями теорий роста. Сегодня от этой экзальтации уже почти ничего не осталось. Дело, конечно, не в недолговечности этих теорий, а в противоречиях капиталистической системы, которая и привела указанные теории к банкротству как в «неокейнсианском», так и «неоклассическом» их вариантах. Действительность показала абсурдность важнейшего кейнсовского тезиса о возможности государственно-монополистического регулирования инфляции, выявила непригодность инструментов управления ею. Жизнь опрокинула и «неоклассический» тезис, согласно которому безработица является сильнейшим средством против инфляции. В США и в других капиталистических странах массовая и растущая безработица вполне уживается с растущей инфляцией. Это некоторым образом новое явление капиталистической экономики, так как в прошлом рост инфляции в периоды кризисов был небольшим. Уже много лет в буржуазной литературе упоминается о «магическом треугольнике». При этом высказываются утверждения, что не существует возможности обеспечить его «построение», т. е. соединить одновременно полную занятость, стабильность цен, валютную устойчивость и сбалансированность платежного баланса. Выясняется, что капитализм не в состоянии соединить и два угла этого треугольника. Оказалось, что и высокая безработица не защищает от инфляции. Выяснилось также и следующее: даже временно высокий экономический рост — как, например, в Японии за довольно продолжительный срок — ни в коей мере не разрешает социальных проблем капиталистического строя.

Происходит симптоматичное для буржуазной политической экономии отрезвление. Как заявил Р. А. Сэмюэльсон в «Экономике» (издание 1970 г.), ориентация на увеличение валового общественного продукта при одновре-

менном игнорировании социальных проблем его распределения ошибочна. В последнее время усиливаются голоса из лагеря буржуазной политэкономии в защиту ограниченного экономического роста или даже за нулевой рост, как это рекомендовал бывший председатель комиссии Европейских экономических сообществ С. Мансхолт. Здесь обнаруживается переоценка до этого общепринятых стратегических экономических представлений буржуазной политэкономии.

В обоснованиях ограниченного экономического роста имеются различные оттенки. Так, Мансхолт подчеркивает необходимость систематических усилий по охране окружающей среды. Гэлбрейт видит в снижении темпов роста средство борьбы с инфляцией. Другие высказывают опасения, что при сохранении достаточно высоких темпов экономического роста наступит быстрое истощение природных ресурсов и т. д. Нельзя не видеть — это явно звучит в указанных обоснованиях (например, Гэлбрейт связывает необходимость пониженного экономического роста с требованием улучшения «качества жизни»), — что все эти рекомендации невольно отражают глубокие противоречия капиталистического строя, например то, что развитие капиталистического производства неизбежно ведет к разрушению окружающей природной среды, а это — в свою очередь к социальным конфликтам.

Вся эта закамуфлированная аргументация буржуазных идеологов направлена на поиски каких-то новых капиталистических решений обостряющихся социальных противоречий. Именно поэтому на место игры с формулами, с абстрактными моделями роста приходит растущее «увлечение» политико-социальными проблемами.

Не только в буржуазной философии и социологии, но и в буржуазной политэкономии нельзя не заметить процесса известной «деидеологизации». Подоплека этих новых явлений в буржуазной политэкономии в том, что она вынуждена принаравливаться к идейной борьбе между социализмом и капитализмом в условиях мирного сосуществования. Это требует новых ориентаций. Простое игнорирование коренных социальных противоречий, плоская апологетика капиталистического строя, примитивная клевета на социализм становятся в этих

условиях все опасней. Лавирование в экономической области, поиски реформ и т. п. становятся неотъемлемой необходимостью защиты капиталистической системы. Буржуазная идеология вынуждена принимать в расчет процессы развития, происходящие в мировой социалистической системе.

XXIV съезд КПСС, съезды коммунистических и рабочих партий других социалистических стран научно обосновали перспективы развития социалистического общества. В СССР, где развитое социалистическое общество построено, успешно создается материально-техническая база коммунизма. В других социалистических странах планомерно осуществляется построение развитого социалистического общества. Все это означает, что дальнейшее развитие социализма все более опирается на им самим созданные основы, вследствие чего общественные преимущества и движущие силы социализма проявляются все отчетливее, становятся действеннее. Это обуславливает существенные качественные черты современного и перспективного развития социалистической экономики. Так, общественный воспроизводственный процесс все непосредственнее и шире, чем это было ранее, ставится на службу лучшему удовлетворению материальных и культурных потребностей народа. Это важнейший признак зрелого социалистического общества.

Общественные процессы, в том числе экономические, развиваются в своей совокупности все более гармонично, все сильнее взаимопроникая и ускоряя друг друга. Оптимальное развитие всех областей общественной жизни, все более четкая планомерность, пропорциональность развития народного хозяйства — существенные признаки социализма.

В условиях зрелого социализма ярче раскрывается интернациональный характер этого общественного строя, прежде всего в процессе начавшейся социалистической экономической интеграции, которая открывает безграничные возможности развития объективной, вызванной современными производительными силами тенденции интернационализации экономической жизни.

Социализм располагает исторически наиболее благоприятными общественными предпосылками для неограниченного развития производительных сил, научно-технического прогресса. В условиях развитого социалис-

тического общества в этой области возникают новые задачи и возможности. Они связаны с растущей интенсификацией производства, с соединением науки, техники и производства в присущих социализму формах, с соединением научно-технической революции с преимуществами социализма.

Буржуазная политэкономия ни в коем случае не удовлетворится простым приспособлением к изменившимся условиям классовой борьбы социализма с империализмом. Она занимает далеко не оборонительную позицию. Скорее, она стремится развивать новые теории, новую стратегию, которые способствовали бы активной полемике против социализма, в частности тому, чтобы, как отмечает А. Милейковский, выиграть позиции в теории социальных реформ вплоть до использования концепций «легального марксизма». В целом аспект буржуазных экономических теорий становится шире. Соответственно усиливается необходимость вести их дифференцированную марксистско-ленинскую критику. Распространение теорий об ограничении экономического роста, несомненно, не последнее и не самое важное проявление кризиса буржуазной политэкономии. Она, несомненно, вопреки этим своим фразам не перестанет на деле искать способы ускорить темпы экономического роста. Ей не остается ничего другого. Определяющей тенденцией здесь, в этом не может быть никакого сомнения, будет усиливающееся государственно-монополистическое регулирование, выходящее далеко за пределы чисто экономических процессов. И с этой стороны вздорность рыночных «теорий» будет все очевиднее.

Со всем сказанным связано понимание наших сегодняшних и завтрашних установок в данной области. С одной стороны, это твердая уверенность в победе социализма, в том числе и в экономической области, основанная на закономерностях общественного развития, недвусмысленно и выразительно подтвержденная всем предыдущим ходом экономического соревнования между социализмом и капитализмом, уверенность в том, что преимущества социализма будут проявляться все отчетливее. С другой стороны, это осознание масштабов и сложности того, что еще предстоит сделать, всей серьезности этих задач, решение которых несовместимо с беззаботностью и самоуспокоенностью.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Глава 1. Механизм рыночной конкуренции вчера и сегодня	8
Рыночное регулирование как принцип, присущий домонополистическому капитализму	8
Упразднение монополий свободной конкуренции и государственно-монополистическое регулирование	20
Глава 2. «Теория социального рыночного хозяйства» и политическая стратегия западногерманского империализма	31
Лицемерие «неолиберализма»	31
Политическая заинтересованность в «теории рыночного хозяйства»	40
Глава 3. «Социалистическая рыночная экономика» — одна из антисоциалистических концепций общественного развития	54
Общепародная собственность. Групповая собственность	62
Осознанность или стихийность?	67
Кооперация или конкуренция?	76
Глава 4. Превосходство социалистического планового хозяйства подтверждается всей практикой социалистического строительства	89
Общественная собственность на средства производства и политическая власть в руках рабочего класса — основа всех преимуществ социализма	89
Социалистическое плановое хозяйство — хозяйство для блага человека	98
Об экономическом превосходстве социалистической общественной системы	115

Ник Гарри.

Н62 Рыночное хозяйство: миф и действительность. Пер. с нем. М., «Экономика», 1976. 127 с.

В книге глубоко анализируются объективные основы и содержание, а также эволюция механизма рыночной конкуренции как регулятора общественного производства при капитализме. В работе показано, почему «теория рыночного хозяйства» занимает такое важное место в буржуазной идеологии. Наряду с аргументированной критикой основ буржуазной «теории рыночного хозяйства» дается обстоятельная критика ревизионистских концепций о роли рынка при социализме.

10703—034
Н 011(01)—76 112—76

33.041

Гарри Ник

Редактор
Н. Н. АНДРЕЕВА
Мл. редактор
М. В. ТИМОШЕНКО
Техн. редактор
Э. М. ЭЛЬКИНА
Худ. редактор
В. П. РАФАЛЬСКИЙ
Корректор
Н. Ю. МИХАЙЛОВА
Оформление
Ю. Е. ФОМИНА

Сдано в набор 26/VIII—1975 г. Подп. в печать 25/XII—1975 г. Формат 84×108¹/₃₂ печ. л. (привед.) 6,72. Уч.-изд. л. 6,63. Тираж 9000 экз. Изд. № 3780. Заказ № 580. Цена 48 коп. ТП изд. «Экономика» 1976 г. № 112. Бумага книж.-журн.

Издательство «Экономика» 121864. Москва, Г-59, Бережковская наб., 6. Ярославский полиграфкомбинат «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

48 коп.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА